

З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

ФИЛИП КЕРР МЕТРОПОЛИС

Лауреат премии Dagger за лучший исторический детектив
Номинант премии Вальтера Скотта

Берни Гюнтер

Филипп Керр

Метрополис

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Керр Ф.

Метрополис / Ф. Керр — «Издательство АСТ», 2019 — (Берни Гюнтер)

ISBN 978-5-17-145510-1

1928 год. Берлин, в котором пока еще возможно все и ничто не запрещено. Это новый Вавилон, как его зовут местные жители, город злачных развлечений и уличных боев между бандами, город роскоши и нищеты. Берни Гюнтеру, молодому детективу, работающему в берлинской полиции, дают новое дело: кто-то каждую неделю снимает скальпы с проституток, нарочно оставляя на местах преступлений множество улики. Убийца словно дразнит полицейских, правда, они и сами не слишком рвутся его ловить, но все меняется, когда таким же образом погибает дочь местного криминального авторитета. Только этим проблемы Берни не исчерпываются, вскоре он получает еще одно задание: найти того, кто методически и хладнокровно расправляется с бездомными и изувеченными ветеранами Первой мировой войны, побирающимися на улицах. Оба этих расследования покажут Гюнтеру, что все вокруг вскоре сильно изменится, и его Вавилон-Берлин оцепенеет перед лицом нового порядка.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-145510-1

© Керр Ф., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Филип Керр	5
Пролог	6
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Филип Керр Метрополис

Copyright © 2019 by thynKER Ltd
© Мария Акинина, перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Посвящается Джейн
Сейчас и навсегда*

Пролог

Как всякий человек, читавший Библию, я имел представление о Вавилоне как о городе, олицетворявшем беззаконие и все мерзости земные, какими бы они ни были. Как всякий человек, живший в Берлине во времена Веймарской республики, я также знал, насколько часто сравнивали два этих города. Наш крикливый пастор с лицом цвета кирпича, доктор Ротпфад из церкви Святого Николая, куда меня в детстве водили родители, до того разбирался в топографии Вавилона, что казалось, он там когда-то жил. От чего мое восхищение этим городом лишь усилилось. Я попытался найти его название в «Популярной энциклопедии», тома которой занимали целую полку в семейном книжном шкафу. Но энциклопедия не особенно проливала свет на мерзости земные. И хотя в Берлине действительно можно было найти множество шлюх и блудниц, да и греха в изобилии, я не уверен, что здесь дела обстояли хуже, чем в любом другом метрополисе вроде Лондона, Нью-Йорка или Шанхая.

Бернард Вайс говорил мне, что аналогии есть и всегда были чепухой, что с тем же успехом можно сравнивать яблоки и апельсины. Он не верил в зло и напоминал мне о том, что законов против него нет нигде. Даже в Англии, где существуют законы против всего на свете. В мае 1928 года Пергамскому музею Берлина еще только предстояло восстановить знаменитый северный вход Вавилона – ворота Иштар, поэтому блюстители морали не успели подчеркнуть красным дурную славу прусской столицы как самого порочного места в мире, а это означало, что по-прежнему оставалось пространство для сомнений. Возможно, мы просто честнее относились к собственным порокам и терпимее к недостаткам других. Мне ли не знать? В 1928 году порок во всех его бесконечных проявлениях был моей непосредственной обязанностью в Полицейском президиуме на Александерплац. С криминалистической точки зрения – а благодаря Вайсу это стало для нас, полицейских, новым словом, – я знал о пороке почти столько же, сколько Жиль де Рэ¹. Но, по правде говоря, с такими потерями во время Великой войны и с гриппом, который, подобно ветхозаветной чуме, унес жизни других миллионов, едва ли стоило беспокоиться о том, что люди вдыхают или, раздевшись, творят в своих темных бидермейерских спальнях. И не только в спальнях. Летними ночами Тиргартен порой напоминал конный завод – так много шлюх совокуплялись со своими клиентами прямо на траве. Полагаю, нет ничего удивительного в том, что после войны, когда стольким немцам пришлось убивать ради своей страны, теперь они предпочитали тряхаться.

Учитывая все, что произошло до, и то, что случилось после, о Берлине трудно рассуждать достоверно или справедливо. Во многих отношениях он никогда не был приятным местом, а иногда становился даже безумным и уродливым. Слишком холодным зимой, слишком жарким летом, слишком грязным, слишком дымным, слишком вонючим, слишком шумным и, конечно, ужасно страдавшим от столпотворения, которое было так характерно для Вавилона. Все общественные здания, построенные во славу Германской империи, едва ли когда-нибудь существовавшей, как и худшие городские трущобы вместе с многоквартирными домами, заставляли почти каждого, кто с ними сталкивался, почувствовать себя бездушным и ничтожным. О берлинцах никто особо не заботился (правители уж точно), ведь они не отличались приятностью, дружелюбием или благовоспитанностью. Зато довольно часто оказывались тупыми, вялыми, скучными и невыносимо заурядными. И всегда – грубыми и жестокими. Убийства были обычным делом: в основном, их совершали пьяные мужчины, которые, вернувшись из пивных, душили своих жен, поскольку, одурев от пива и шнапса, не соображали, что творят. Иногда случалось и нечто похуже вроде историй Фрица Хаарманна или Карла Денке

¹ Барон, маршал Франции и алхимик, участник Столетней войны, сподвижник Жанны д'Арк. Был арестован и казнен по обвинению в серийных убийствах. Послужил прототипом для Синей Бороды.

– тех странных, безбожных немцев, которые, казалось, наслаждались убийством ради самого убийства. Но даже это не особо удивляло. Наверное, Веймарская Германия сделалась безразличной к внезапным смертям и человеческим страданиям, что тоже было неизбежным наследием Великой войны. Мы потеряли два миллиона погибшими. Столько же, сколько Британия и Франция, вместе взятые. Некоторые поля Фландрии до того завалены костями наших юношей, что стали более немецкими, чем Унтер-ден-Линден². И даже теперь, через десять лет после войны, на улицах не протолкнуться от увечных и хромых. Многие из них по-прежнему носят форму, выпрашивая мелочь у вокзалов и банков. В редкий день общественные места Берлина не походят на картины Питера Брейгеля.

Несмотря на это, Берлин все-таки был замечательным и вдохновляющим. Вопреки целому списку причин не любить этот город, он представлял собой огромное и сияющее зеркало мира, поэтому для любого, заинтересованного жить в этом мире, становился удивительным отражением человеческого бытия во всем его завораживающем великолепии. Заплатите мне – я все равно не променяю Берлин на другое место, особенно теперь, когда худшие дни Германии позади. После Великой войны, гриппа и инфляции дела пошли на лад, пусть и медленно. Многим жителям, особенно на востоке города, по-прежнему тяжело. Но сложно представить, чтобы Берлин ждала судьба Вавилона, который, согласно «Популярной энциклопедии», уничтожили халдеи, разрушив его стены, храмы и дворцы и сбросив обломки в море. С нами не могло случиться ничего подобного. Что бы сейчас ни последовало, нас, скорее всего, минует библейская гибель. Никто – ни французы, ни британцы, ни, тем более, русские – не заинтересован в том, чтобы Берлин, а следовательно, и Германия стали предметом божественного возмездия.

² Унтер-ден-Линден – один из главных и самый известный бульвар Берлина.

Часть первая Женщины

Повсюду тайна труп.
Макс Бекман. Автопортрет в словах

Через пять дней после всеобщих федеральных выборов Бернхард Вайс, начальник криминальной полиции Берлина, вызвал меня в свой кабинет на шестом этаже. Окутанный дымом любимой сигары «Черная мудрость» и сидевший за столом для совещаний рядом с Эрнстом Геннатом, одним из лучших детективов по расследованию убийств, он пригласил меня присоединиться. Сорокавосемилетний Вайс был берлинцем – невысоким, стройным и подтянутым, даже педантичным, в круглых очках, с аккуратными, хорошо подстриженными усами. Ко всему прочему он был адвокатом и евреем, что делало его непопулярным среди многих наших коллег. Вайсу пришлось преодолеть множество предрассудков, чтобы добиться своего положения: в мирное время евреям запрещалось получать офицерские чины в прусской армии, но, когда началась война, он подал заявление о поступлении в Королевские баварские войска, где быстро дослужился до ротмистра и получил Железный крест. После войны по поручению Министерства внутренних дел Вайс реформировал берлинскую полицию и сделал ее одним из самых современных подразделений Европы. И все же надо сказать, из него вышел необычный полицейский. Мне он всегда слегка напоминал Тулуз-Лотрека.

Перед ним лежала открытая папка, посвященная, судя по всему, мне.

– Ты хорошо показал себя в отделе нравов, – произнес Вайс своим поставленным, почти театральным голосом. – Хотя боюсь, твоя битва с проституцией безнадежна. Все эти вдовы и русские беженки зарабатывают на жизнь, как могут. Я продолжаю твердить нашей верхушке, что если оказать больше поддержки равной оплате труда для женщин, то мы за одну ночь решим проблему с проституцией в Берлине. Но ты здесь не поэтому. Полагаю, уже слышал, что Генрих Линднер уволился из полиции, чтобы стать авиадиспетчером в Темпельхофе. В фургоне отдела убийств освободилось место.

– Да, сэр.

– Ты знаешь, почему он уволился?

Я знал, но едва ли хотел отвечать и поймал себя на том, что хмурюсь.

– Можешь сказать. Я нисколько не обижусь.

– Я слышал, что ему не нравилось подчиняться приказам еврея, сэр.

– Совершенно верно, Гюнтер. Ему не нравилось подчиняться приказам еврея. – Вайс затянулся сигарой. – А как насчет тебя? У тебя есть какие-нибудь трудности с исполнением приказов еврея?

– Нет, сэр.

– Или с исполнением чьих-то еще приказов, если на то пошло?

– Нет, сэр. У меня нет проблем с командованием.

– Рад слышать. Поскольку мы подумываем предложить тебе постоянное место в фургоне.

Место Линднера.

– Мне, сэр?

– Ты выглядишь удивленным.

– Только потому, что на «Алекс» разносится, что это место займет инспектор Райхенбах.

– Нет, если ты не откажешься. И даже в таком случае у меня останутся сомнения насчет этого человека. Разумеется, скажут, что я не решаюсь предложить должность другому еврею. Но дело совсем в другом. По нашему общему мнению, у тебя задатки отличного детектива,

Гюнтер. Ты усерден и знаешь, когда держать рот на замке, – это хорошие качества для детектива. Очень хорошие. Курт Райхенбах – тоже неплохой детектив, но легко дает волю кулакам. Когда он еще носил униформу, некоторые из собратьев-полицейских прозвали его Зигфридом за излишнюю любовь пускать в дело саблю. Он бил кое-кого из наших клиентов рукоятью или плоской стороной лезвия. Я не возражаю против того, что делает офицер для самообороны, но не позволю полицейскому проламывать головы ради удовольствия. И неважно, чьи.

– И отсутствие сабли его не остановило, – добавил Геннат. – Совсем недавно ходили слухи, что он избил парня из СА, арестованного в Лихтенраде. Нациста, который зарезал коммуниста. Ничего не было доказано. Возможно, Райхенбах популярен на Александерплац – кажется, он нравится даже некоторым антисемитам, – но у него вспыльчивый характер.

– Вот именно. Я не говорю, что он плохой полицейский. Просто мы предпочитаем ему тебя. – Вайс посмотрел на страницу моего досье: – Вижу, ты получил *абитур*³. Но про университет ни слова.

– Война. Я вызвался добровольцем.

– Разумеется. Ну-с, тебе нужно место? Если да, оно твое.

– Да, сэр. Очень нужно.

– Тебе, конечно, и раньше случалось быть прикомандированным к комиссии по расследованию убийств. Значит, ты уже работал над убийствами? В прошлом году. В Шенеберге, не так ли? Как ты знаешь, я предпочитаю, чтобы у всех моих детективов имелся опыт расследований под началом такого человека, как Геннат.

– И это заставляет меня задуматься о том, почему вы считаете, что я достоин постоянного места, – признался я. – То дело – дело Фриды Арендт – уже остыло.

– Большинство дел на какое-то время остывает, – сказал Геннат. – И не только дела, но и детективы. Особенно в этом городе. Никогда не забывай об этом. Просто такова природа нашей работы. Свежий взгляд – ключ к раскрытию «холодных» дел. По правде говоря, у меня есть еще несколько, с которыми ты сможешь ознакомиться, если у тебя появится такая роскошь, как спокойная минута. Нераскрытые дела – то, что может создать детективу репутацию.

– Фрида Арендт? – переспросил Вайс. – Напомните-ка мне.

– Собака нашла несколько частей тела, завернутых в коричневую бумагу и закопанных в Грюневальде, – ответил я. – Первыми убитую опознали Ганс Шниекерт и парни из подразделения «Джи». Благодаря тому, что убийца проявил чуткость и оставил нам ее руки. По отпечаткам пальцев мертвой девушки выяснилось, что у нее была судимость за мелкую кражу. Можно было бы предположить, что это открыло перед нами множество дверей. Но мы не нашли ни ее семьи, ни места работы, ни даже последнего известного адреса. А поскольку газетчики оказались настолько глупы, что предложили солидное вознаграждение за любую информацию, мы потратили кучу времени на опросы граждан, больше заинтересованных в тысяче рейхсмарок, чем в помощи полиции. По крайней мере четыре женщины обвинили в преступлении собственных мужей. Одна даже предположила, что изначально ее супруг собирался приготовить куски тела. Отсюда и прозвище в прессе – Грюневальдский мясник.

– Один из способов избавиться от своего старика – посадить его за убийство, – заметил Геннат. – Дешевле, чем разводиться.

Эрнст Геннат был самым главным – после Бернхарда Вайса – детективом на Александерплац. К тому же самым крупным – его даже прозвали Большим Буддой. В одном автомобиле с Геннатом становилось тесновато. Вайс лично спроектировал фургон для отдела убийств. Тот был оснащен радио, небольшим откидным столиком с пишущей машинкой, медицинской аптечкой, массой фотооборудования и почти всем необходимым для расследований, кроме разве что молитвенника и хрустального шара. Геннат обладал язвительным берлинским ост-

³ Абитуром в Германии называют самую высокую степень школьного образования.

роумием, которое, по его словам, стало результатом того, что он родился и вырос в служебном корпусе тюрьмы Плётцензее, где его отец был заместителем начальника. Ходили слухи, что в дни казней Геннат завтракал с палачом. Еще в начале своей работы на «Алекс» я решил изучать этого человека и брать с него пример.

Зазвонил телефон, Вайс снял трубку.

– Гюнтер, ты же из СДПГ?⁴ – спросил Геннат.

– Совершенно верно.

– Потому как нам в фургоне не нужна никакой политики. Коммунисты, нацисты – мне этого и дома хватает. И ты ведь не женат?

Я кивнул.

– Хорошо. Потому что эта работа разрушает брак. Можешь посмотреть на меня и подумать, небезосновательно, что я очень популярен среди дам. Но только до тех пор, пока не появится дело, которое будет держать меня здесь, на «Алекс», днем и ночью. Если я когда-нибудь решу жениться, мне придется подыскать себе славную даму-коппера. Так, а где ты живешь?

– Снимаю комнату в пансионе на Ноллендорфплац.

– Эта работа подразумевает небольшую прибавку, повышение по службе и, вероятно, жилье лучше. В таком порядке. И месяц-два ты будешь на испытательном сроке. В твоём доме есть телефон?

– Да.

– Наркотики употребляешь?

– Нет.

– Когда-нибудь пробовал?

– Один раз немного кокаина. Чтобы понять, из-за чего шум. Это не для меня. Кроме того, я не мог их себе позволить.

– Полагаю, ничего плохого в этом нет, – сказал Геннат. – После войны этой стране по-прежнему нужно море обезболивающих.

– Многие принимают их не для облегчения боли, – заметил я. – Что порой приводит к кризису совсем иного рода.

– Некоторые считают, что берлинская полиция в кризисе, – сказал Геннат. – Что в кризисе весь город. А ты что думаешь, парень?

– Чем больше город, тем больше в нем кризисов. Думаю, мы будем постоянно сталкиваться с тем или другим. К этому вполне можно привыкнуть. Чаще всего причиной кризиса становится нерешительность. Правительство, которое ни на что не способно. Я не уверен, что новое, без явного большинства, будет чем-то отличаться. Похоже, сейчас наша самая большая проблема именно в демократии. Какой от нее толк, если она не может создать жизнеспособное правительство? Парадокс нашего времени. Иногда я волнуюсь, что мы устанем от нее раньше, чем все само собой уладится.

Геннат кивнул, будто соглашаясь со мной, и перешел к другому вопросу:

– Некоторые политики не очень высокого мнения об уровне раскрываемости. Что на это скажешь, парень?

– Им стоит приехать и познакомиться кое с кем из наших клиентов. Да и мертвецы, возможно, поспорили бы, будь они поразговорчивее.

– И все же наша работа – прислушиваться к ним. – Огромное тело Генната зашевелилось, и он встал. Все равно что наблюдать, как в воздух поднимается цеппелин. Пол закрипел, когда Геннат подошел к угловому окну башни. – Если слушать достаточно внимательно, можно различить их шепот. Как с этими убийствами Виннету. Полагаю, его жертвы разговаривают с

⁴ Социал-демократическая партия Германии.

нами, просто мы пока не понимаем, на каком языке. – Он указал сквозь окно на метрополис: – Но кое-кто понимает. Кое-кто там внизу. Возможно, он выходит сейчас от Германа Титца⁵. Возможно, это даже сам Виннету.

Вайс закончил телефонный разговор, и Геннат вернулся к столу для совещаний, где закурил свою едкую сигару. К тому времени над столом уже висел настоящий облачный пейзаж. Он напоминал мне газ, плывущий над нейтральной полосой.

Я слишком нервничал, чтобы самому закурить. Слишком нервничал и слишком уважал своих начальников. Я по-прежнему испытывал благоговейный трепет перед ними и поражался тому, что они хотят сделать меня частью команды.

– Это был ВиПоПре, – сказал Вайс.

ВиПоПре называли президента берлинской полиции Карла Цергибеля.

– Похоже, только что произошел взрыв на ламповом заводе «Вольфмиум» в Штралау. По первым данным, много погибших. Возможно, больше тридцати. Он будет держать нас в курсе. И я хотел бы напомнить, что мы договорились не использовать прозвище «Виннету», когда речь идет об убийце, снимающем скальпы. Думаю, такие громкие имена оказывают погибшим девушкам медвежью услугу. Давайте придерживаться названия досье, хорошо, Эрнст? Силезский вокзал. Так будет лучше для безопасности.

– Извините, сэр. Больше не повторится.

– Что ж, Гюнтер, добро пожаловать в Комиссию по расследованию убийств. Теперь твоя жизнь изменится навсегда. Ты больше не сможешь смотреть на людей как прежде. Отныне, стоя с кем-то рядом на остановке автобуса или в трамвае, ты станешь оценивать этого человека как потенциального убийцу. И будешь прав. По статистике, большинство убийств в Берлине совершают обычные законопослушные граждане. Иначе говоря, такие же люди, как мы с вами. Не так ли, Эрнст?

– Да, сэр. Мне редко встречались убийцы, похожие на убийц.

– Ты увидишь вещи ничуть не лучше тех, что встречал в окопах, – добавил Вайс. – Кроме того, иногда жертвами оказываются женщины и дети. Но мы должны оставаться тверды. И ты заметишь, что здесь склонны отпускать шутки, которые большинство не сочло бы смешными.

– Да, сэр.

– Что ты знаешь об убийствах на Силезском вокзале, Гюнтер?

– За четыре недели были убиты четыре проститутки из местных. Каждый раз ночью. Первая возле самого вокзала. Всем им пробивали голову столярным молотком, затем скальпировали очень острым ножом. Словно действовал индеец из знаменитых романов Карла Мая.

– Которые, надеюсь, ты читал.

– Покажите мне немца, не читавшего их, и я покажу вам человека, который не умеет читать.

– Тебе понравилось?

– Ну, прошло уже много лет, но да.

– Хорошо. Мне бы не понравился человек, который не любит славные вестерны Карла Мая. Что еще ты знаешь? Об убийствах, я имею в виду.

– Не так уж много. – Я покачал головой. – Вероятно, убийца не был знаком с жертвами, потому-то его трудно поймать. Возможно, его действиями руководит порыв.

– Да-да, – произнес Вайс так, будто все это уже слышал.

– Убийства, похоже, действительно повлияли на количество девушек на улицах, – сказал я. – Проституток стало меньше. Те, с кем я разговаривал, признавались, что боятся работать.

– Что-нибудь еще?

⁵ *Герман Титц* – немецкий купец еврейского происхождения, первым в Германии воплотил идею универсальных магазинов и основал торговую сеть.

– Ну...

Вайс бросил на меня вопросительный взгляд:

– Выкладывай, парень. Что бы там ни было. Я жду, что все мои детективы будут говорить откровенно.

– Просто у работающих девушек есть свое прозвище для погибших. Из-за того, что с тех снимали скальпы. Когда убили последнюю, я слышал, как ее называли очередной «королевой Пиксавона». – Я сделал паузу. – Как шампунь, сэр.

– Да, я слышал о шампуне «Пиксавон». В рекламе говорится, что этим шампунем пользуются «хорошие жены и матери». Немного уличной иронии. Что-нибудь еще?

– Ничего особенного. Только то, что пишут в газетах. Моя квартирная хозяйка, фрау Вайтендорф, очень внимательно следит за этим делом. Чего следовало ожидать, учитывая мрачность фактов. Она любит истории об убийствах. А мы все обязаны ее выслушивать, пока она подает завтрак. Не самая аппетитная тема, но ничего не поделаешь.

– Мне интересно, что твоя квартирная хозяйка сказала бы обо всем этом?

Я сделал паузу и представил фрау Вайтендорф в обычном для нее словесном недержании, полную почти праведного гнева и, похоже, едва ли обращающую внимание, слушает ее кто-нибудь из жильцов или нет. Крупная, с плохо подогнанными зубными протезами и двумя бульдогами, которые следовали за ней по пятам, она была из тех женщин, что любят поговорить. И неважно, есть ли публика. Стеганный халат с длинными рукавами, который носила фрау Вайтендорф за завтраком, делал ее похожей на неопрятного китайского императора, а двойной подбородок только усиливал это сходство.

Кроме меня и квартирной хозяйки, в доме жили трое: англичанин по имени Роберт Рэнкин, утверждавший, что он писатель; баварский еврей по фамилии Фишер, который называл себя коммивояжером, но был, вероятно, мошенником, и молодая женщина Роза Браун – она играла на саксофоне в эстрадном оркестре, но почти наверняка была «полущелком»⁶. Вместе с фрау Вайтендорф мы были необычным квинтетом, но, возможно, представляли собой идеальный срез современного Берлина.

– Что касается фрау Вайтендорф, она сказала бы что-нибудь вроде: «Для подобных девиц перерезанное горло – профессиональный риск. Если подумать, они сами напросились. Разве жизнь настолько дешево стоит, чтобы рисковать ею понапрасну? И ведь так было не всегда. До войны это был респектабельный город. А после четырнадцатого года человеческая жизнь перестала иметь хоть какую-то ценность. Это и без того плохо, но в двадцать третьем году еще и инфляция началась, наши деньги обесценились. А жизнь не особенно важна, когда теряешь все. Кроме того, любой заметит, что этот город стал слишком большим. Тут теснятся четыре миллиона человек. Это ненормально. Некоторые живут будто животные. Особенно к востоку от Александерплац. Чего удивляться, что они и ведут себя как животные? Никаких норм приличия. А с толпами поляков, евреев и русских, которые появились после большевистской революции, стоит ли удивляться, что эти девицы позволяют себя убивать? Попомните мои слова, окажется, что их прирезала одна из своих. Или еврей. Или русский. Или русский еврей. Как по мне, царь и большевики не просто так выгнали этих людей из России. Но вот вам истинная причина убийства тех девиц: мужчины, вернувшись из окопов, принесли с собой настоящую тягу к убийствам, и ее нужно удовлетворять. Точно вампирам, которым для жизни необходима кровь, этим людям нужно кого-то убивать. И неважно, кого. Покажите мне воевавшего мужчину, который говорит, что после возвращения домой ему ни разу не захотелось кого-нибудь прибить, и я покажу вам лжеца. Это как с джазом, который играют негры в ночных клубах. Будоражит кровь, по моему мнению».

– Ее слова просто ужасны, – сказал Вайс. – Удивлен, что ты остаешься на завтрак.

⁶ Так называли девушек, которые днем трудились на обычной работе, а по вечерам и выходные занимались проституцией.

– Он включен в стоимость комнаты, сэр.

– Я понимаю. А теперь скажи, что эта мерзкая стерва говорит о том, почему убийца снимает скальпы?

– Потому что он ненавидит женщин. Она считает, что во время войны именно женщины нанесли мужчинам удар в спину, заняв их рабочие места и согласившись на половину жалования. А когда мужчины вернулись, находили лишь работу за смешные деньги, а чаще вообще ничего не находили, поскольку женщины никуда не ушли. Вот почему он их убивает и снимает скальпы. Из чистой ненависти.

– А ты что думаешь? По поводу скальпов.

– Думаю, мне стоит получить больше фактов, прежде чем строить предположения, сэр.

– Сделай одолжение. Но могу сказать тебе вот что: ни один из скальпов не был найден. Поэтому приходится сделать вывод, что убийца оставил их себе. И непохоже, что он предпочитает определенный цвет волос. Легко заключить, что он убивает ради самих скальпов. Напрашивается вопрос: почему? Что это для него? Зачем мужчине снимать скальп с проститутки?

– Может, он – странный извращенец, который хочет быть женщиной, – предположил я. – В Берлине полно трансвеститов. Возможно, у нас мужчина, которому нужны волосы для парика. – Я покачал головой: – Знаю, звучит нелепо.

– Не более нелепо, чем Фриц Хаарманн, который готовил и ел внутренние органы своих жертв, – отозвался Геннат. – Или Эрих Кройцберг, мастурбировавший на могилах убитых им женщин. Так мы его и поймали.

– С этой стороны, полагаю, вы правы.

– У нас есть собственные версии того, почему этот человек снимает с жертв скальпы, – сказал Вайс. – По крайней мере у доктора Хиршфельда⁷. Он консультировал нас по этому делу. Но я все равно буду рад услышать твои идеи. Любые. Даже абсурдные – это неважно.

– Тогда все возвращается к обычному женоненавистничеству, сэр. Или обычному садизму. Желанию унизить и опозорить, а еще уничтожить. В Берлине жертву убийства унизить довольно легко. Я всегда считал чудовищным, что в этом городе продолжают пускать зевак в городской морг. Чтобы они приходили и разглядывали тела убитых. Для того, кто хочет унизить и опозорить своих жертв, большего не требуется. Настало время прекратить эту практику.

– Согласен, – сказал Вайс. – И я не раз говорил об этом министру внутренних дел. Но едва начинает казаться, что наконец что-нибудь сделают, как у нас появляется новый министр.

– Кто на этот раз? – спросил Геннат.

– Альберт Гжесинский, – ответил Вайс. – Бывший президент нашей полиции.

– Что ж, это шаг в правильном направлении, – сказал Геннат.

– Карл Северинг – хороший человек, – заметил Вайс, – но у него было слишком много забот, учитывая, что ему приходилось иметь дело с армейскими ублюдками, которые тайно готовятся к новой войне. Но давайте не будем слишком увлекаться Гжесинским. Поскольку он тоже еврей, справедливо заметить, что его назначение вряд ли встретят с энтузиазмом. Гжесинский – фамилия отчима, на самом деле он Леманн.

– Как получилось, что я об этом не знал? – спросил Геннат.

– Не имею понятия, Эрнст, мне ведь говорили, что вы детектив. Нет, я очень удивлюсь, если Гжесинский долго продержится. Кроме всего прочего, у него есть тайна, которой скоро воспользуются его враги. Гжесинский живет не с женой, а с любовницей. Американской актрисой. Ты пожимаешь плечами, Берни, но это только берлинской публике позволено быть аморальной. Нашим избранным представителям не разрешается быть ее подлинными представителями; более того, им запрещено иметь какие-либо пороки. Особенно евреям. Посмотри на меня. Я практически святой. Сигары – мой единственный недостаток.

⁷ Немецкий врач-сексолог.

– Как скажете, сэр.

Вайс улыбнулся:

– Совершенно верно, Берни. Никогда не принимай ничьи слова на веру. Только если их произносят те, кого уже признали виновным. – Он написал записку на клочке бумаги и прижал к нему промокашку: – Отнеси это в кассу. Тебе выдадут новую платежную книжку и новый жетон.

– Когда мне начинать, сэр?

Вайс потянул цепочку карманных часов, и на ладонь ему лег «Золотой охотник».

– Ты уже начал. Согласно досье, тебе положены несколько дней отпуска, верно?

– Да, сэр. Начиная со следующего вторника.

– Ну а до тех пор по выходным ты – дежурный офицер Комиссии. Возьми отгул на вторую половину дня и ознакомься с делом Силезского вокзала. Это поможет тебе не заснуть. Поскольку, если до вторника в Берлине кого-нибудь убьют, ты должен первым оказаться на месте преступления. Поэтому давайте надеяться, что ради твоего же блага выходные пройдут спокойно.

Я обналичил чек в Дармштадте и Национальном банке, чтобы мне хватило денег на выходные, затем прогулялся до огромной статуи Геркулеса. Мускулистый и угрюмый, он держал на правом плече вполне действенную на вид дубину и, если отбросить его наготу, очень напоминал усталого полицейского, который только что восстановил порядок в каком-нибудь питейном заведении на востоке города. Несмотря на сказанное Бернхардом Вайсом, «быку» нужно что-то посерьезнее жетона и крепкого словца, чтобы закрыть бар в полночь. Когда немцы пьянствуют весь день и половину ночи, тебе пригодится ненавязчивое «средство убеждения», чтобы грохнуть им по стойке и привлечь к себе внимание.

Перегнувшихся через бортик фонтана детей не особенно интересовал Геркулес. Их больше занимали монеты, которые годами бросали в воду, и подсчет скопившегося там состояния. Я поспешил миновать это место и направился к высокому дому на углу Маассенштрассе. Завитков на здании было больше, чем на пятиярусном свадебном торте, а массивный балкон напоминал саму фрау Вайтендорф.

Я снимал две комнаты на четвертом этаже: очень узкую спальню и кабинет с изразцовой печью, похожей на фисташкового цвета собор, и с мраморным туалетным столиком. Когда я умывался и брился перед ним, постоянно ощущал себя священником. Помимо этого, в кабинете стояли небольшой письменный стол, стул и квадратное кожаное кресло, скрипевшее и пердевшее почище капитана Балтийского флота. Все в моих комнатах было старым, солидным и, вероятно, несокрушимым – мебель, которая по замыслу фабрикантов времен Вильгельма Второго должна была прослужить столько же, сколько существует империя, как бы долго она ни протянула.

Моим любимым предметом было большое меццо-тинто⁸ в раме с портретом Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Жидковолосого, с мешками под глазами и, похоже, измученного газами. Мне гравюра нравилась, поскольку всякий раз, когда я в похмелье смотрел на нее, я поздравлял себя с тем, что, как бы плохо мне не было, все же не сравнить с ощущениями Гегеля, пока тот сидел перед человеком, которого с хохотом называли художником. Фрау Вайтендорф сказала мне, что она – родственница Гегеля по материнской линии, и это могло бы быть правдой, если бы она не назвала его известным композитором. После чего стало ясно, что квартирная хозяйка имела в виду Георга Фридриха Генделя, и вся история становилась уже не такой правдоподобной.

Чтобы увеличить доход от сдачи жилья, сама фрау Вайтендорф поселилась на лестничной площадке верхнего этажа, где спала за высокой ширмой на вонючей кушетке, которую

⁸ Разновидность гравюры.

делила со своими французскими бульдогами. Практичность и нужда перевешивали статус. Она, может, и являлась хозяйкой дома, но определенно никогда не считала жильцов рабами своей воли, что, полагаю, было вполне по-гегелевски.

Остальные жильцы держались особняком, за исключением времени завтрака, когда я и познакомился с Робертом Рэнкином, симпатичным, хоть и мертвенно-бледным англичанином, чьи комнаты располагались прямо под моими. Как и я, он служил на Западном фронте, но в Королевских уэльских стрелках, и после нескольких бесед мы поняли, что сталкивались друг с другом на нейтральной полосе во время битвы при Лоосе в пятнадцатом году. По-немецки он говорил почти идеально. Вероятно, из-за того, что настоящая его фамилия была фон Ранке, а во время войны он ее по очевидным причинам сменил. Рэнкин написал роман о пережитом под названием «Упакуй свои тревоги»⁹, но тот оказался непопулярным в Англии, и автор надеялся продать его немецкому издателю, когда закончит перевод. Как у большинства ветеранов – включая меня, – шрамы Рэнкина были, по большей части, не видны. Взрыв снаряда на Сомме наградила его слабыми легкими, но, что куда необычнее, англичанина ударило током, когда в полевой телефон попала молния, от чего у Рэнкина появился патологический страх перед любыми подобными аппаратами. Фрау Вайтендорф нравились его безупречные манеры и то, что он доплачивал ей за уборку комнаты, но за глаза она все равно называла его «шпионом». Фрау Вайтендорф была нацисткой и считала, что иностранцам вообще нельзя доверять.

Я вернулся домой с портфелем, набитым полицейскими документами, и быстро поднялся в свою комнату, надеясь избежать встречи с соседями. С кухни доносился голос фрау Вайтендорф, которая разговаривала с Розой. Последнее время Роза играла на своем тенор-саксе в престижном «Халлер-Ревю» на Фридрихштрассе – самом шикарном заведении Берлина: с казино, VIP-залами и очень хорошим рестораном. Однако было полно причин не любить это место – не в последнюю очередь из-за количества толпившихся там людей, многие из которых были иностранцами. В свое последнее посещение я пообещал себе и своему кошельку, что больше туда ни ногой. Уверен, закончив играть на саксофоне, Роза была не прочь поработать на стойке. Раз или два я возвращался с «Алекс» очень поздно и заставал ее пробиравшейся к себе с клиентом. Меня это не касалось, и я, разумеется, не стал бы докладывать «Голему» – так все жильцы называли фрау Вайтендорф за ее напоминавший огромную буханку твердокаменный желтый парик – точно такой же, как у монстра в одноименном фильме ужасов.

Дело в том, что я питал слабость к Розе и не считал себя вправе судить ее за попытку подзаработать. Могу ошибаться, но однажды, подслушивая на лестнице, я почти разгадал замысел фрау Вайтендорф. Кажется, она пыталась свести Розу с одним из своих приятелей по театру на Ноллендорфплац, где, судя по ее неустанным рассказам, когда-то служила актрисой. Похоже, «Голем» подрабатывала сутенерством.

На самом деле, после инфляции двадцать третьего года почти все, включая многих полицейских, нуждались в небольшом левом бизнесе, чтобы сводить концы с концами. Моя квартирная хозяйка и Роза ничем не отличались от остальных. Большинство пытались заработать, чтобы выжить, но на то, чтобы преуспевать, денег никогда не хватало. Я знал многих полицейских, торговавших наркотиками, – кокаин, вообще-то, не был запрещен, – нелегальным алкоголем, домашней колбасой, валютой, редкими книгами, скабрёзными открытками или часами, снятыми с мертвецов и мертвецки пьяных, которых находили на улицах. Какое-то время я и сам получал прибавку к жалованью, продавая необычные истории Рудольфу Олдену, своему другу из «Берлинер Тагеблатт». Олден был не только юристом, но и журналистом и, что важнее, либералом, верившим в свободу слова. Но я все прекратил, когда Эрнст Геннат увидел нас с ним в баре и пригрозил сложить два и два. Не то чтобы я сливал Олдену какую-то щекот-

⁹ Строчка из популярного марша времен Первой мировой, полное его название «Упакуй свои тревоги в старый вещмешок и улыбайся, улыбайся, улыбайся».

ливую информацию; в основном, это были лишь подсказки по поводу нацистов и коммунистов в Департаменте 1А – политической полиции, сотрудники которой не должны были иметь политических пристрастий. Например, я дал Олдену несколько выписок из речи комиссара Артура Небе, произнесенной на собрании Ассоциации офицеров прусской полиции «Шрадер-Вербанд». И хотя Олден не упомянул имя Небе, все на «Алекс» поняли, кого цитировали в газете.

Неназванный и якобы независимый комиссар берлинской политической полиции накануне вечером выступил с речью на закрытой встрече «Шрадер-Вербанда» в отеле «Эдем», где позволил себе такие слова:

«Это больше не здоровая нация. Мы перестали стремиться к чему-то высокому. Мы выглядим вполне счастливыми, погрязая в болоте, погружаясь на все новые и новые глубины. Честно говоря, эта республика заставляет меня подумать о Южной Америке или Африке, но никак не о стране в самом сердце Европы. В Берлине мне почти стыдно быть немцем. Трудно поверить, что всего четырнадцать лет назад мы несли в себе силу нравственного добра и были одной из самых могущественных стран в мире. Нас боялись, а теперь унижают и высмеивают. Иностранцы стекаются сюда со своими долларами и фунтами, чтобы воспользоваться не только ослаблением нашей рейхсмарки, но и слабостью наших женщин и наших либеральных законов касательно секса. Берлин стал новым Содомом и Гоморрой. Все здравомыслящие немцы должны чувствовать то же, что и я, однако правительство, собранное из евреев и апологетов большевизма, лишь сидит, сложив унизанные перстнями руки, и кормит народ ложью о том, что на самом деле все замечательно. Это ужасные люди. Действительно ужасные. Они постоянно лгут. Но, слава Богу, есть человек, который обещает сказать правду и очистить этот город, смыть грязь с улиц Берлина, избавиться от отбросов, которые вы видите каждую ночь: наркоторговцев, проституток, сутенеров, трансвеститов, гомосексуалистов, евреев и коммунистов. Человек этот – Адольф Гитлер. Город болен, и только такой сильный человек, как Гитлер, и партия нацистов способны его излечить. Сам я не нацист, а всего лишь консервативный националист, который видит, что происходит с этой страной, видит зловещую руку коммунизма, стоящую за разрушением ценностей нашей нации. Коммунисты стремятся подорвать нравственный стержень нашего общества в надежде, что произойдет еще одна революция, подобная той, что разрушила Россию. Они стоят за всем этим. Вы знаете, что я прав. Каждый берлинский полицейский знает, что я прав. Каждый берлинский полицейский знает, что нынешнее правительство не намерено что-либо предпринимать. Не будь я прав, возможно, смог бы указать на некоторые судебные приговоры, которые заставили бы вас посчитать, что закон в Берлине соблюдается. Но я не могу, поскольку в нашей судебной системе полно евреев. Ответьте мне, что за сдерживающая сила позволяет приводить в исполнение лишь пятую часть всех смертных приговоров? Попомните мои слова, господа, надвигается буря – самая настоящая буря, и всех этих выроdkов смоеет. Да, я говорю: выроdkов. Не знаю, как еще назвать то, что у нас существуют аборт; матери, которые торгуют дочерьми; беременные, которые торгуют собой, и юноши, которые совершают невообразимые вещи с мужчинами в глухих переулках. На днях я ходил в морг и видел, как художник рисовал труп женщины, убитой собственным мужем. Да, это в наши дни считается искусством. По моему мнению, убийца, которого пресса окрестила Виннету, – лишь гражданин, которому надоела проституция, разрушающая этот город. Прусской полиции давно пора признать, что, возможно, подобные преступления являются неизбежным результатом слабого, бесхребетного правительства, угрожающего самому устройству немецкого общества».

Наверное, Геннат догадался, что, скорее всего, я навел «Тагеблатт» на Артура Небе, и, хотя в тот момент ничего мне не сказал, позже напомнил, что не только полицейские из Департамента 1А, но и детективы из Президиума должны оставлять политику дома. Особенно детективы, не любившие Артура Небе так же сильно, как мы с ним. «От людей вроде нас ожидают

более высоких стандартов», – сказал Геннат. По его словам, в прусской полиции и без того достаточно разногласий, чтобы прибавлять от себя. Я решил, что он прав, и перестал звонить Олдену.

Оставшись один в своей комнате, я свернул сигарету, смочил кончик каплей рома, закурил и открыл окно, чтобы избавиться от дыма. Затем разгрузил портфель и уселся читать бумаги по делу Силезского вокзала. Даже мне было неприятно их разбирать. Особенно черно-белые снимки, сделанные Гансом Гроссом – полицейским фотографом с «Алекс».

В его снимках с мест преступлений было нечто такое, что действовало на нервы. Говорят, каждая фотография рассказывает свою историю, но Ганс Гросс был тем фотографом, чья работа сделала его Шахерезадой современной криминалистики. Это лишь отчасти объяснялось его любовью к большой широкоформатной камере «Фолмер и Швинг» на подвижной платформе и мобильной версии тех же карбоновых дуговых ламп, что использовали в аэропорту «Темпельхоф». И то и другое занимало, по меньшей мере, половину фургона отдела убийств. Но куда важнее оборудования, по моему мнению, было то, что Ганс воспринимал место преступления почти как кинематографист. Сам Фриц Ланг¹⁰ не смог бы выстроить картинку лучше. Иногда снимки Гросса для Комиссии по расследованию убийств были настолько четкими, что казалось, бедная жертва не мертва, а лишь притворяется. Пользу приносили не только кадрирование и четкость фотографии, но и то, как детали фона помогали их оживлять. Детективы часто замечали на снимках то, что пропустили на месте преступления. Вот почему на «Алекс» Гросса прозвали Сесил Б. Деморг¹¹.

Фотография из первого документа в досье – Матильды Луз, найденной мертвой на Андреасплац, – была настолько четкой, что можно было разглядеть каждую линию граффити «Красного фронта» на полуразрушенной кирпичной стене, рядом с которой располагалось тело. Справа от головы лежали очки в толстой оправе, словно девушка сняла их на секунду; был виден даже ярлычок одной из туфель от «Хеллстерна», который оторвался в момент убийства. Если не считать отсутствия скальпа, Матильда Луз выглядела так, словно прилегла на минутку вздремнуть.

Я прочитал записи и разные свидетельства, затем попытался представить наш с ней разговор, как если бы она сама могла поведать мне о том, что произошло. Этот новый метод поощрял использовать Вайс, прочитав статью криминалиста Роберта Хейндла. «Дайте жертве пообщаться с вами, – говорил тот. – Попытайтесь представить, что она сказала бы, проведи вы с ней некоторое время». Так я и поступил.

Матильда Луз была действительно симпатичной девушкой, на ней ладно сидел тот же наряд, в котором ее убили: шляпка, пальто и платье. Все из «С&А»¹², но вполне сносное. Даже в дешевых вещах некоторым девушкам удается хорошо выглядеть, и Матильда Луз была одной из таких. В полицейском отчете отмечалось, что от нее так сильно пахло духами марки «4711», что можно было подумать, они служили скорее для маскировки, чем для соблазнения. В отчете также говорилось, что у девушки были темные волосы, большие карие глаза и губы такого же красного цвета, что и лак на ногтях. Пудра придавала ее лицу мертвенную бледность. По крайней мере я думал, что это из-за пудры. Но, возможно, причина была в том, что девушка мертва.

– Я два года делала калильные сетки в компании по производству лампочек, – раздались ее слова. – Мне нравилось. У меня там появилось несколько хороших подруг. Деньги, конечно, небольшие, но вместе с жалованьем моего мужа Франца – он работает на фабрике Юлиуса

¹⁰ Знаменитый немецкий режиссер 1930-х годов.

¹¹ Отсылка к Сесилию Б. Демиллю – отцу-основателю американского кинематографа и самому коммерчески успешному режиссеру в истории кино, чьи работы отличались масштабностью и мастерством.

¹² Марка недорогой одежды.

Пинча, делает газовые счетчики – нам почти хватало на крышу над головой. Не очень хорошую крышу, честно говоря. Мы жили на Коппенштрассе в однокомнатной квартирке, если ее можно так назвать. Скорее в трущобе. Это бедный район, как вы, наверное, знаете. В пятнадцатом году там случилось два масляных бунта¹³. Можете представить себе Берлин без масла? Немыслимо. Я хорошо помню бунты. Думаю, мне тогда было лет четырнадцать.

– То есть на момент вашей прискорбной гибели вам было двадцать семь.

– Верно. Так вот, наш домовладелец, Ланский, был евреем, как и мы, но он никогда не ставил земляков выше прибыли; если бы мы не оплатили аренду вовремя, судебный пристав в два счета выгнал бы нас. Ланский постоянно твердил, как нам повезло иметь хоть какой-то угол, но ведь ему самому не приходилось там жить. Точно знаю, он живет в хорошенькой квартире на Тауэнциенштрассе. Самый настоящий *гониф*¹⁴, понимаете? Как бы там ни было, меня уволили в прошлом году, сразу после Рождества. Я, конечно, искала новое место, но сейчас половина женщин Берлина ищет работу, так что я знала: ничего у меня не выйдет. Если бы меня не уволили, я бы ни за что в такое не впряглась. За жилье нужно платить, вот Фриц и предложил идею, а я согласилась – все лучше, чем терпеть побои.

– Туфли, которые были на вас. В стиле Саломеи, от «Хеллстерна». Дорогие.

– Девушка должна выглядеть на все сто.

– Где вы их взяли?

– Подруга украла на заказ в Вертхайме.

– А очки?

– Некоторым мужчинам нравятся секретарши. Особенно на том пяточке к северу от Силезского вокзала. Они принимают тебя за соседскую девчонку, и это придает им уверенности.

– Это ведь в двух шагах от фабрики Юлиуса Пинча, не так ли?

– Верно. Иногда мой дорогой муженек после поздней смены отыскивал меня и отнимал все заработанное, чтобы купить себе кружку-другую пива. Таким уж чутким был Франц. Говорил, что присматривает за мной, как настоящий альфонс, но я считала иначе. Дело-то было опасное. Я это знала. Мы все знали. Никто не забыл Карла Гроссмана. Он убил бог знает сколько женщин в том самом районе Берлина. Когда это было?

– Между девятнадцатым и двадцать первым годами.

– Говорят, своих жертв он съедал.

– Нет, это делал Хаарманн. Гроссман просто разрубал их на части. Обычно в своей квартире на Лангештрассе. Но вы правы. Это недалеко от того места, где вас убили.

– Ублюдки. По-моему, все мужчины – ублюдки.

– Наверное, вы правы.

– Ты, должно быть, такой же. «Быки» не лучше остальных. Даже хуже. Забираете деньги из-под матрасов или «снежок» толкаете, притворяясь, что уважаете закон. Но иногда вы хуже всех. Кто был тот ублюдок-полицейский с «Алекс», который несколько лет назад убивал женщин? Тот, которому по рукам надавали и отпустили.

– Бруно Герт.

– Ты его знал?

– Да. Но не сказал бы, что его просто отпустили.

– Нет? Но он же сохранил голову на плечах?

– Это правда, но теперь он в психушке. И, скорее всего, останется там до конца своих дней. Собственно говоря, пару месяцев назад я его навещал.

¹³ Продовольственные бунты, вызванные повышением цен на масло и общей нехваткой продовольствия во времена Первой мировой войны.

¹⁴ В переводе с идиш «вор».

– Наверное, это было очень приятно для вас обоих. Говорят, он устроил целое представление перед судьей. Притворялся безумным. Он знал, как работает система, и суд купился.

– Может, и так. Не знаю. Я сам на суде не присутствовал. Но давайте вернемся к тому, что случилось с вами, Матильда. Расскажите мне о том вечере, когда вас убили. И примите мои соболезнования.

– Вечер начался в «Хакебаре». Обычное дело. Многие *шонты*¹⁵ вроде меня выпивали пару бокалов для храбрости, прежде чем отправиться на поиски клиента.

– В вашем организме нашли еще и следы кокаина.

– Конечно, почему бы нет? Придает легкую упругость походке. Помогает, когда натыкаешься на возможного клиента. Помогает даже получить удовольствие, знаешь ли. Когда тебя трахают. Такие вещи не особенно трудно достать, и они не слишком дорогие. Можно купить на пробу у торговца сосисками перед Силезским вокзалом.

– Мы его спрашивали. Но он все отрицал.

– Наверное, не вовремя спрашивали. Когда у него были только соль и перец.

– А что произошло дальше?

– Некоторые из нас пошли в театр «Роза», а может, в «Цур Мёве».

– В танцевальный зал? На Франкфуртер.

– Точно. Он немного старомодный, но там полно мужчин, которые этого и ищут. В основном, таких как Франц, надо сказать. Кто-то видел, как я уходила оттуда с мужчиной, но о нем я, по понятным причинам, ничего не могу рассказать. Дальше все становится слегка туманным. Где-то на Андреасплац есть фонтан со статуей Фрица с молотком.

– Свидетель видел, как примерно через десять или пятнадцать минут после предположительного времени вашей смерти в том фонтане мыл руки мужчина.

– Понятно. В любом случае, думаю, так меня и убили. Похожим молотком. Я почувствовала сильный удар по шее.

– Да, так вас и убили, Матильда. Убийца одним ударом сломал вам шею.

– А дальше ничего. Пустота. Твоя очередь, коппер.

– Дальше он снял с вас скальп.

– Какой стыд! У меня были красивые волосы. Спроси Франца. Он обычно расчесывал их, когда был милым. Очень расслабляло после ночи, проведенной на спине. Словно кто-то на самом деле обо мне заботился. Как о человеке, а не просто о «щелке».

– Он нам говорил. Но моему начальству это показалось слегка странным. Не многие мужчины станут расчесывать своих жен. Пожалуй, его интерес к женским волосам был несколько ненормальным.

– Нет в этом ничего ненормального. Он видел, что я устала, и хотел что-нибудь для меня сделать. Что-нибудь приятное. Что-нибудь, что помогло бы мне расслабиться.

– Давайте поговорим о Франце. Мы несколько раз его допрашивали. В основном, из-за того, что, по слухам, вы с ним бурно ссорились.

– Это ведь было на Коппенштрассе, а не в люксе отеля «Адлон». В подобной дыре все ругаются. Покажи мне пару, которая живет там и ни разу не поссорилась.

– У него несколько судимостей за нападение. И много острых ножей. Достаточно острых, чтобы легко снять с кого-нибудь скальп.

– Он резал по дереву. Мастерил игрушки для рождественских ярмарок. Чтобы немного подзаработать. У него неплохо получалось. Но на время моей смерти у него алиби. Он работал в ночную смену на фабрике.

– Моя работа – ломать алиби. А он был достаточно близко, чтобы улизнуть на десять минут, убить вас и затем вернуться.

¹⁵ Третьеразрядные проститутки из числа еврейских девушек (часто польского происхождения).

– Убить курицу, несущую золотые яйца? Не думаю. Как шлюха я была хороша, коппер. Возможно, Франц ублюдок, но не полный же идиот. А многие его сослуживцы и даже заводской мастер сказали, что ни на секунду не теряли Франца из виду.

– Еще полицейские обнаружили в вашей квартире несколько романов Карла Мая. Включая те, что про Виннету. Собственно, именно это побудило прессу прозвать так вашего убийцу.

По какой-то причине я не мог заставить себя думать об этом типе как об убийце со Силезского вокзала. И знал, что Геннат чувствовал то же самое и называл его Виннету, пока Вайса не было рядом. Все так делали, я не был исключением.

– Сама я не большая любительница чтения. Но, по словам Франца, половина мужчин в Германии читали эти чертовы книжки.

– Наверное, вы правы.

– Послушай, приятель, Франца можно считать кем угодно. Но где-то глубоко в его груди жило сердце, которое любило меня. Именно это держало нас вместе. Да, мы ссорились, но обычно из-за того, что он перебрал. Да ради всего святого, какой немец не напивается до бесчувствия вечером в пятницу и не колотит после свою жену? Ты мало знаешь об этом, живя в такой миленькой маленькой комнате. С ковром на полу. Со шторами на окнах, через которые можно глядеть. Когда Франц переступал черту, я отвешивала ему пару раз ножкой от стула. Как-то даже подумала, что убила. Но у него голова как грецкий орех, и примерно через час он очухался, полный раскаяния из-за того, что первым начал. Даже не затаил обиду. Почти уверена, он и не помнил, как я его ударила. В тот раз мы очень славно помирились.

– Звучит романтично.

– Конечно, почему бы и нет? Романтика в берлинском стиле. Позволь мне сказать тебе кое-что, коппер: когда мужчина лежит без сознания у твоих ног, и ты знаешь, что, если бы захотела, могла бы забить его ножкой стула до полусмерти, только тогда действительно понимаешь, любишь его или нет.

– Как уже говорил, я сожалею о том, что с вами случилось. И сделаю все возможное, чтобы поймать того, кто это сделал. Даю вам слово.

– Очень мило с вашей стороны, герр Гюнтер. Но, честно говоря, для меня это теперь не имеет особого значения.

– Можете еще что-то мне рассказать?

– Нет.

– Согласно заключению лаборатории, вы были беременны. Знали об этом?

– Нет. Я... мы всегда хотели ребенка. Не то чтобы могли его себе позволить. – Она смахнула слезу и на мгновение затихла, а затем умолкла навсегда.

Обычно мне не удавалось вернуться на Ноллендорфплац к ужину, но, поскольку была пятница и я пропустил обед, возвращение меня порадовало, ведь в такие вечера фрау Вайтендорф, как правило, уходила в театр и оставляла на плите хэш из легкого, который нужно было только разогреть. Еды всегда хватало на десятерых, и я, еще со школьных лет весьма уважая это блюдо, с удовольствием присоединился к соседям за обеденным столом. Роза возилась с хэшем и вареным картофелем; Фишер, баварский коммивояжер, нарезал черный хлеб, а Рэнкин разливал по большим кружкам солодовый кофе. Я взялся расставлять тарелки из второсортного фарфора. Жильцам, конечно, было любопытно, почему я вообще тут оказался, но напрямую они не спрашивали. Не то чтобы я рвался рассказать, что меня повысили до Комиссии по расследованию убийств. Последнее, о чем мне хотелось говорить дома, – это о преступлениях. Однако большая часть беседы крутилась вокруг взрыва на заводе «Вольфмиум» и гибели рабочих. Фишер заявил, что для него это стало одной из причин пройти завтра маршем по Берлину вместе с коммунистами, о чем он никогда бы не упомянул при фрау Вайтендорф. Если и существовала тема, способная привести нашу хозяйку в необузданный гнев, так это большевизм. Столь яростной антикоммунисткой ее делала не только приверженность нацизму, но и

следы от пуль на фасаде дома, которые оставило ополчение спартакистов во время революции девятнадцатого года. Каждую отметину фрау Вайтендорф принимала близко к сердцу.

– В какой части Берлина? – спросил я.

– Начинаем в Шарлоттенбурге.

– Думаю, там не так уж много коммунистов.

– И направимся на восток, по Бисмаркштрассе.

– Не знала, что вы коммунист, герр Фишер, – сказала Роза.

– Я не коммунист. Но чувствую, должен что-то сделать после жуткой трагедии на «Вольфмиуме». Можете считать, что я хочу проявить немного солидарности с рабочими. Хотя меня и не удивляет то, что подобные вещи случаются. В этой стране нанимателям плевать и на работников, и на условия, в которых тем приходится трудиться. Не представляете, что я вижу, пока разъезжаю по клиентам. Подпольные фабрики, потогонные цеха в трущобах. Места, в существование которых в таком городе, как Берлин, даже не верится.

– Браво, герр Фишер, – отозвался Рэнкин. – Согласен с вами по поводу условий труда. И здесь, и в Англии они просто ужасные. Но вы же не хотите сказать, что произошедшее на «Вольфмиуме» стало результатом небрежности владельца? То есть этому, разумеется, нет никаких доказательств. Произошел несчастный случай. Полагаю, некоторые материалы, которые используют при изготовлении электрических лампочек, по сути своей опасны.

– Могу побиться с вами об заклад, – настаивал Фишер, – что кто-то виноват. Кто-то ради большей прибыли наплевал на пожарную безопасность.

Рэнкин прикурил сигарету от красивой золотой зажигалки и на миг задержал взгляд на пламени, будто оно могло дать ключ к разгадке причин взрыва, а затем произнес:

– Что вы думаете, герр Гюнтер? Полиция расследует произошедшее?

– Это не по моей части. Расследованием занимается пожарная охрана.

Я терпеливо улыбнулся и взял сигарету из портсигара Рэнкина. Наклонившись к его зажигалке, уловил сильный запах алкоголя. Затем с минуту попыхивал сигаретой, после чего покатал ее между пальцами.

– Но вот что скажу: окурок – самый действенный способ разжечь самый действенный огонь. Так, скорее всего, и было. Небрежно брошенная сигарета. В этом смысле все мы – потенциальные поджигатели.

Вид у Фишера сделался презрительным.

– Берлинские полицейские, – сказал коммивояжер. – Они тоже часть заговора. В наши дни единственное преступление – попасться.

Рэнкин вежливо улыбнулся. Он, возможно, и был слегка пьян, но все еще мог из любезности сменить вместо меня тему разговора.

– Я прочел в газете, – произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь, – что Бенито Муссолини покончил с правами женщин в Италии в тот же день, когда в моей собственной стране возраст избирательниц снизили с тридцати до двадцати одного года. Во всяком случае, более или менее в тот же день. В кои-то веки почти горжусь тем, что я англичанин.

Мы закончили ужинать, не заговаривая больше ни о чем важном, что меня весьма устраивало. После того как посуда была убрана, я вернулся в свою комнату и уже собирался взяться за бумаги по второму убийству Виннету, когда услышал, что внизу раздался телефонный звонок. Через минуту или две ко мне вошла Роза. Она успела переодеться: теперь на ней был мужской вечерний костюм, который ей полагалось носить на выступлениях с оркестром «Халлер-Ревю». Белый галстук и фрак придавали Розе до странности сексуальный вид. Как детектив отдела нравов, я привык к трансвеститам – «Эльдорадо» на Лютерштрассе, печально известный подобной публикой, частенько становился источником информации о происходящем в берлинском андеграунде, – но был не вполне уверен, что отношусь к тому типу людей, кото-

рым комфортно в компании женщины, переодетой в мужчину. По крайней мере пока остается достаточно женщин, одетых как женщины.

– Звонили из полицейского управления на Александерплац, – сказала Роза. – Некто по имени Ганс Гросс сказал, что заедет за вами через полчаса.

Я поблагодарил ее и взглянул на часы, тихо наслаждаясь ароматом духов «Коти», который появился в моей комнате вместе с Розой. Он приятно отличалось от запахов рома, сигарет, мыла «Люкс», «Нивеи», жареной картошки и дешевого масла для волос, не говоря уже о кипах старых книг и куче нестираного белья.

– Думаете, проработаете допоздна? – спросила она.

– Не узнаю наверняка, пока не появится полицейская машина. Но да, возможно. Боюсь, таковы особенности работы.

В то же время я подумал, что для убийства несколько рано. Обычно берлинцы дожидаются, когда придет расслабленность после нескольких кружек и пары спетых песенок, а уже после забивают кого-нибудь до смерти. Совсем недавно я видел в приемной на «Алекс» арестованного, который во весь голос распевал «С юных лет». Он был пьян, разумеется, а еще только что забил свою старшую сестру клюшкой для гольфа.

– Она не придет, она больше не придет! Она не придет, она больше не придет!

Что, конечно, было чистой правдой. К сожалению.

Сегодня нас, скорее всего, ждал обычный несчастный случай, который требовал присутствия полиции. То, что некоторые парни из патруля называли «Максом Мустерманном»¹⁶: тело, найденное кем-то из граждан при обстоятельствах, вызывавших вопросы.

– Почему бы вам не зайти сегодня в клуб? – спросила Роза. – Я буду там после полуночи. В программе Хеллы Кюрти.

Я непонимающе покачал головой.

– Певица. Она снималась в том фильме, «Кто первым бросит камень».

– Не смотрел.

– Я могла бы оставить вам билет в кассе, если хотите.

– Не обещаю, что приду, – сказал я. – Но если смогу, то конечно. Спасибо.

– Понимаю, это не для вас, наверное, – произнесла она с легкой грустью. – Шоу в самом деле очень пустое и претенциозное. Но скажите, что в наши дни не такое? По-моему, инфляция обесценила не только деньги, но и все остальное. Секс, выпивку, наркотики, ночную жизнь, искусство – да что угодно. Как будто все вышло из-под контроля, понимаете? Особенно в Берлине. Вздутые цены были только началом. Город превратился в один огромный универмаг разврата. Порой, когда я иду по Курфюрстендамм и вижу всех этих напудренных и размалеванных, похожих на пирожные мальчиков, которые ведут себя просто безобразно, то боюсь за будущее. Действительно боюсь.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Вся эта фальшивая сексуальная свобода и чувственность наводят на мысли о последних днях Древнего Рима. И я не могу перестать думать, что обычные немцы хотели бы, чтобы все это исчезло и они смогли бы вернуться к спокойной, упорядоченной жизни.

– Наверное, вы правы. Но меня тревожит, что придет всему этому на смену. Может, нечто похуже. И тогда мы, вероятно, по-настоящему пожалеем. Не знаю. Лучше знакомый дьявол.

Лишь после ее ухода я запоздало понял, что Роза выглядела немного одинокой. Мне следовало поговорить с ней подольше и даже намекнуть, что она мне нравится, но в тот момент мою голову занимали другие вещи. Эрнст Геннат сказал бы, наверное, что живая девушка – даже переодетая в мужчину – всегда интереснее мертвой. Особенно такая красивая девушка,

¹⁶ Вымышленное имя, которое в Германии используют для обозначения неизвестной или анонимной личности, а также неопознанных тел.

как Роза. Но мне хотелось доказать, что Бернхард Вайс не ошибся на мой счет, что я не очередной циничный берлинский «бык», – верю в эту работу и подхожу на место Линднера. Поэтому я сел в кресло и закурил еще одну смоченную ромом самокрутку. До приезда фургона отдела убийств было время ознакомиться со вторым делом Виннету.

Изуродованное тело Хелен Штраух было найдено на старом кладбище церкви Святого Якоба, к югу от Германплац, в Нойкельне. На общих планах кладбища была довольно симпатичная часовня для отпевания, напоминавшая небольшой греческий храм: дорическая колоннада, несколько лип и каштанов и бесформенная фигура, словно распростертая в молитве у ног статуи святого Якоба. На крупных планах головы и тела было видно, что Хелен Штраух лежала ничком на почерневших плитах, расчерченных ранее мелком для детской игры «Небо и земля». По словам полицейского патологоанатома, смерть наступила почти мгновенно. Девушке нанесли смертельный удар в основание шеи – самую слабую и уязвимую точку человеческого тела, – после которого остался синяк цвета краснокочанной капусты, а затем сняли скальп от центра лба до затылочной кости. Как и в случае с Матильдой Луз, не было никаких следов того, что убийца занимался с жертвой сексом; за ее подвязкой даже сохранилась купюра в десять марок. Смерть наступила вскоре после полуночи двадцатого мая.

Хелен жила на Германштрассе, тянувшейся вдоль восточной стороны кладбища. Согласно полицейскому отчету, место убийства можно было увидеть из окна спальни девушки. По крайней мере, когда окно было чистым. Район, больше известный как Булленфиртель, был одним из тех, которые я патрулировал, пока носил униформу. В таких местах полицейский быстро осваивает ремесло – серость и уныние, люди пашут за гроши, в воздухе воняет жареным солодом, днем и ночью носятся босоногие дети, каждое второе заведение в подвале – бар, где продается дешевая и часто нелегальная выпивка, а Армия спасения обосновалась тут чуть ли не навсегда. Мне частенько приходилось гонять проституток с кладбища Святого Якоба: они повадились использовать колоннаду для обслуживания клиентов. Но в безопасности своих комнат на Ноллендорфплац, нацепив чистый воротничок и галстук, я уже чувствовал себя чужаком в трущобах.

Хелен Штраух была проституткой, но раньше она работала на пивоварне «Бергшлосс», которая находилась в нескольких минутах ходьбы от того места, где нашли тело. Когда прошлым летом девушку уволили, у нее, похоже, не осталось выбора, кроме как заняться проституцией на полную ставку. Типичная берлинская история. Перед смертью Хелен провела вечер в баре пивоварни на Хазенхайде, попивая коктейли с абсентом, а затем отправилась на улицу. Никто не помнил, была ли она с клиентом и общалась ли с каким-нибудь мужчиной. Одна девушка будто бы видела, как Хелен, поставив ногу на подножку машины, разговаривала с кем-то сидевшим внутри, но ни марку авто, ни номер, ни мужчину – если это вообще был мужчина – припомнить не смогла. Напротив пивоварни на Хазенхайде находилась больница, куда Хелен накануне ходила на прием, – тест на беременность оказался отрицательным.

Тело нашел Вальтер Вендерс, извозчик с пивоварни Бабеля в Кройцберге; пиво в этой части Берлина – больше, чем напиток: это образ жизни. Вендерс жил на Берлинерштрассе, по пути на работу он проходил мимо маленького кладбища, где остановился отлить, и тут его взгляд привлекло что-то необычное. Сначала Вендерс решил, что кто-то выбросил старое пальто. Оно выглядело добротным – жене пригодилось бы, но едва извозчик заметил кровь, как сообразил, на что смотрит. Было ясно, что девчонке уже не помочь, поэтому Вендерс устремился к больнице на Хазенхайде и поднял там тревогу. Штатным детективом, прикомандированным в тот раз к Комиссии по расследованию убийств, был Курт Райхенбах. Он на карачках обыскал территорию и нашел золотую запонку с масонскими символами – квадратом и компасом. Какое-то время она казалась важной уликой, поскольку щека бедной Хелен покоилась прямо на цифре девять, имевшей в масонстве особое значение. По крайней мере так утверждал Райхенбах.

Хелен Штраух родилась в Тюрингии в 1904 году и почти всю жизнь прожила в Нойкельне. Ее мать бросила пропойцу-мужа, который работал дровосеком, и перебралась в Берлин, чтобы устроиться швеей на фабрику, а позже утопилась в канале Ландвер. Ей тогда было всего около тридцати пяти, Хелен же едва исполнилось пятнадцать. Причиной самоубийства стал рано начавшийся артрит, мешавший женщине зарабатывать на жизнь.

У Хелен периодически возникали отношения с неким Полом Новаком, который работал на газовом заводе на Фихтештрассе, а жил в комнате на Фридельштрассе. Кроме того, Новак подрабатывал проституцией, и у него оказалась куча алиби: вечер он провел в нескольких гей-барах на Бюловштрассе – в «Голландце» (дом № 69), «Континентале» (дом № 2), «Националь-хоф» (дом № 37), «Казино Бюлов» (дом № 41) и в «Гогенцоллерн лаундж» (дом № 101) – прежде чем привел мужчину в свою комнату на Фридельштрассе. Бармены всех заведений помнили, что видели Новака в тот вечер, и даже его клиент, голландский бизнесмен по имени Руди Клавер, который, к слову, был масоном, обеспечил парню алиби, что многое говорит о том, насколько открытые в Берлине гомосексуалисты.

«Берлин – это мальчики» – так считали в Веймарской республике. Все дело в том, что Фридрих Великий в 1750-х годах установил для императорской гвардии запрет на женщин, вынудив гвардейцев ради любовных утех искать компанию юношей, и с тех пор Берлин отождествлялся с солдатской инверсией и уранической сексуальностью. Параграф 175 Федерального уголовного кодекса по-прежнему запрещал всяческий гомосексуализм, но в Берлине было так много проститутов – по общему мнению на «Алекс», не меньше двадцати пяти тысяч, – что закон, как правило, не исполнялся.

Новак имел судимость за угон, и, судя по полицейской фотографии, никто не принял бы его за мальчика по вызову. Это был крупный, мощный бородатый парень, который по выходным охотился на диких кабанов в Грюневальде и частенько сам их свеживал. У него имелись ножи, довольно острые, но этим он не отличался от большинства берлинцев. Я и сам держал в кармане пальто складной нож фирмы «Хенкельс» из Золингена, острый как бритва: им можно было снять скальп с шара для боулинга.

Однако Новак не был жестоким человеком: во всяком случае, в отношениях роль агрессивного партнера играла Хелен Штраух. Девушка была «шлюхой в сапогах», то есть госпожой, которой платили за порку клиентов. Время от времени доставалось и Новаку, а тот, по словам друзей, часто без жалоб принимал наказание.

Геннату понравился Новак в качестве убийцы, как и наличие у того острых ножей, но со всеми этими алиби в заднем кармане засаленных кожаных шорт парня – Новаку было всего восемнадцать – выдвинуть обвинение было невозможно. А главное, в ту ночь, когда убили Матильду Луз, Новак находился в камере полицейского участка на Бисмаркштрассе, обвиненный в ограблении очередного клиента, с которым у него был секс. Обвинение впоследствии сняли.

Тем временем Райхенбах отследил связь с масонами вплоть до фабрики на Розенталерштрассе, но после опроса мастеров всех трех Великих лож Берлина след окончательно остыл. Хотя не раньше, чем нацистская партия на страницах «Дер Анггрифф» в одностороннем порядке решила, что связь была слишком реальной и лишь доказывала то, что они всегда утверждали: масонство – коварный культ, угрожающий подорвать Германию, и его следует объявить вне закона. Поскольку всем было известно, что на «Алекс» полно масонов, такая теория давала нацистам еще один повод критиковать берлинскую полицию.

Разумеется, мы были легкой мишенью, не в последнюю очередь потому, что нынче Берлин не имел почти ничего общего с остальной частью страны. Столица все больше походила на огромный корабль, который сорвался с якоря и медленно дрейфовал прочь от берегов Германии. Казалось маловероятным, что мы, даже если захотим, вернемся к более консервативному укладу. С возрастом от своих родителей и корней отдаляются не только люди, но и метропо-

лисы. Я читал, что почти по тем же причинам многие французы ненавидели Париж: парижане постоянно заставляли остальных ощущать себя бедными родственниками. Вероятно, похожее происходит с любым крупным городом. Насколько я знаю, мексиканцы ненавидят жителей Мехико по тем же соображениям, по которым мюнхенцы презирают берлинцев. И, разумеется, наоборот. Я вот никогда особенно не любил баварцев.

Дело Хелен Штраух – это жизнь в метрополисе, описанная жутко, по-скотски подробно, грязно и удручающе. Словно в темном лесу подняли мокрый камень, чтобы взглянуть, что под ним ползает. Закончив читать документы, я почувствовал, что обязан вымыть лицо и руки. Но вечер только начинался, и мне предстояло встретить еще много омерзительного на своем пути.

Я понял, что мы добрались, когда на подъезде к мосту Фишерштрассе в конце Фридрихсграхт узнал сидевшего на швартовом кнехте полисмена в униформе. Это был Мичек. Хороший коппер, на которого обычно можно положиться. Даже его сияющая обувь о многом говорила: Мичек был настоящим коппером – надраенным до блеска и таким же твердым, как стальные носки его сапог. Увидев фургон, он встал, застегнул воротник кителя, надел на голову похожий на пожарное ведро кожаный шлем, бросил сигарету в черную воду за спиной и подошел, отсалютовав двумя пальцами. Уважение вызывал автомобиль, а не я. Хотя номинально теперь я был главным на месте преступления.

– Где наш Макс Мустерманн? – спросил Ганс Гросс, выбираясь из-за огромного рулевого колеса.

Я вместе с двумя полисменами, которые сопровождали нас от «Алекс», последовал за ним. Фрау Кюнстлер осталась сидеть за пишущей машинкой. У нашей стенографистки не было желания разглядывать мертвое тело, не могу сказать, что винил ее за это. Тем более речь шла о трупе, побывавшем в реке. Завеса сигаретного дыма перед очкастым лицом фрау Кюнстлер, вероятно, должна была оградить ту от любого неприятного зрелища или запаха.

– Все еще в воде, – ответил Мичек. – Мы его подцепили, но решили не вытаскивать, чтобы не потерять какие-нибудь улики.

В Шпрее частенько находили утопленников, и так же часто они оставались неопознанными. Пока труп вытаскивали на набережную, кошелек мог запросто выпасть из кармана и оказаться на дне реки. После такого сложно установить имя человека, особенно если его лицом уже отобедали рыбы.

– Хорошая работа, – отметил Гросс.

Мичек указал вниз, на трех барочников, которые играли в скат на перевернутой корзине. У всех троих были кепки и трубки, а волос на лице хватило бы для набивки небольшого дивана.

– Пришли глянуть на наш улов? – спросил один и, развернувшись, потянул за леску.

К маслянистой поверхности воды приблизилась верхняя половина покойника.

Ганс Гросс тем временем развернул свой портативный «Фогтлендер» и принялся фотографировать.

– Кто его нашел? – спросил я.

– Я, – ответил державший леску. – Сразу после обеда приметил.

Полчаса спустя мы вытащили труп на набережную, и вокруг начала собираться небольшая толпа зевак. Судя по виду, покойник пробыл в воде недолго. Ему было около пятидесяти. Маленькие усики напоминали пятнышко грязи над верхней губой. Двубортный костюм в тонкую полоску и пара туфель говорили, что передо мной не барочник. На лацкане пиджака красовался Железный крест. А из груди торчал нож, воткнутый по самую рукоять.

– Кто-нибудь узнает этого приятеля? – спросил я.

Мне никто не ответил. Я дотронулся до рукояти ножа и обнаружил, что тот вбит настолько крепко, что, похоже, прошел сквозь позвоночник. Нижняя челюсть мужчины медленно отвисла, и изо рта, ко всеобщему ужасу, беспечно выбежал крошечный рак. Превозмогая гадливость, я обыскал карманы покойника. Те оказались пусты, если не считать одной

вещи: гладкого деревянного шара размером чуть меньше теннисного мяча. Я разглядывал его с недоумением, даже подумал, что столкнулся с настоящей тайной из числа тех, которые должны увлекать хороших детективов, когда услышал голос и понял: у кого-то в растущей толпе моя находка нашла отклик.

– Думаю, это Бруно Кляйбер, – произнесла женщина в хлопчатобумажном халате, старой мужской фуражке и с метлой в руках.

Ее ноги были настолько опутаны варикозными венами, что казалось, ей под кожу забрались мелкие морские твари. А по тому, как она держала голову, я предположил, что у нее что-то не так с позвоночником. Она говорила с берлинским акцентом, таким же сильным, как ее предплечья.

– Пропустите, – велел я полисмену, и женщина шагнула вперед. – Вы?..

Она сорвала с головы фуражку, обнажив глубокий шрам от старого пулевого ранения, который напоминал пробор и выглядел иллюстрацией выражения «легко отделаться».

– Дора Гауптманн, сэр. Я мету набережные. Для компании «Каналы Кёльна». Тут на острове, сэр, к югу от Шлоссплац.

– И вы полагаете, что узнали покойного?

– Сомневалась, пока не увидела, что у него в кармане. Но теперь уверена. Этот деревянный шар и Железный крест ни с чем не спутаешь. Покойника звали Бруно Кляйбер, а деревянный шар был его куском хлеба лет, думаю, десять. – Она достала носовой платок, промокнула уголки слезящихся глаз, затем указала на запад вдоль Фридрихсграхт: – Если хотите, могу показать, где он работал.

– Спасибо. Буду вам очень признателен.

Мы двинулись вдоль набережной.

– Кляйбер играл в наперстки? – спросил я. – Мошенничал?

– Не-а. Шар слишком большой. Кляйбер заправлял уличной рулеткой под мостом Гертрауден. Каждое утро, ровно в девять тридцать, открывал свой стол и начинал катать шар. В это время у всех на рыбном рынке Кёльн кончается рабочий день. Они идут, покупают пару кружек пива или девку, которая не особо возражает против запаха, и иногда останавливаются сделать ставку у Кляйбера. Называют его стол «Маленьким Монте-Карло». Незаконное дело, конечно, но вреда-то никакого, да и не мошенничал он. Не нужно было Кляйберу мошенничать. Он вел честную игру, все про это знали. Железный крест, что он носил, был гарантией его порядочности. Кляйбер зарабатывал ровно столько, чтобы и дело оставалось прибыльным, и местные на него не обижались. А когда проигрывал, всегда платил, потому и продержался так долго.

– Ну, кое-кто все же обиделся, – сказал я, пока мы шли все дальше.

– Сомневаюсь я. Он был порядочным человеком, этот Кляйбер. У него всегда была припасена шутка для вас. Или монетка для какого-нибудь сопляка. Как по мне, кто-то захотел прибрать к рукам его наличность. Ту, что он держал в заднем кармане, чтобы расплачиваться за выигрышные номера.

– Похоже, вы хорошо его знали.

– Достаточно, чтобы сожалеть о его кончине. Он каждый день давал мне несколько монет, чтобы я выметала окурки, которые люди накидали под его стол. В таких делах он был щепетильным. Будто его местечко и в самом деле – красная дорожка в Монте-Карло.

– А сегодня?

– Сегодня я опоздала. Как раз спускалась к мосту, когда увидела, что вы выуживаете Кляйбера из воды.

– Кстати, не то чтобы это меня касалось, но отметина у вас на голове, откуда она?

Без малейшей неловкости женщина провела пальцем по шраму.

– Это? Везение, вот откуда. В шестнадцатом году я была сестрой милосердия на Восточном фронте. И меня ранило осколком русского снаряда. Такой же осколок убил мою сестру, которая тоже там служила. Мне повезло один раз и, возможно, повезет снова.

– Извините. Просто на улицах не так много женщин-ветеранов.

– Это потому, что большинство раненых умирали. Ведь женщины не так важны, как мужчины.

– Должно быть, это сказал мужчина.

Под мостом Гертрауден мы обнаружили нечто вроде сложенного рекламного щита из тех, что носят на себе. Около четырех футов, выкрашенный в зеленый цвет и довольно тяжелый, он был прикован цепью к швартовочному кольцу. Я достал нож, поковырялся острием в навесном замке, и уже через минуту мы развернули стол футов восьми длиной. Он был расчерчен на квадраты с цифрами и комбинациями, а посередине располагалось чуть утопленное блюдо с десятью незамысловатыми круглыми выемками, пронумерованными от одного до десяти. Вся затея выглядела довольно понятно. Крупье закручивал деревянный шарик вокруг блюда и ждал, пока тот упадет в один из пазов, а затем подсчитывал проигравших и победителей.

– Кляйбер считал быстро и никогда не ошибался. У него не ум был, а логарифмическая линейка.

– А его «поплавок», – сказал я. – Как думаете, сколько там было наличных?

– Марок сто, наверное. Достаточно, чтобы кто-нибудь захотел ограбить бедолагу.

– Никто не приходит на ум?

– Из Кёльна никто. Местные грубы, но порядочны. По большей части. Может, какой безумный ублюдок из пришлых? Как по мне, вся страна сошла с ума. Тут неподалеку был сумасшедший дом, но его закрыли. А мне кажется, теперь такие заведения нужны сильнее, чем когда-либо.

– Это вы верно подметили. Но, поправьте меня, со всеми этими деньгами Кляйберу нужен был охранник, «сторожевой пес».

– И он был. Бывший боксер. В вельветовом костюме. И такой же кепке. Высокий парень. Ухо у него похоже на чью-то жареную почку. Как его звали-то? Кубе? Кольбе?

– Интересно, гавкал он или нет? – Я достал из жестянки самокрутку и торопливо прикурив. – И если нет, то почему? Где жил Кляйбер?

– Понятия не имею, парень. Но каждый день после игры он, точно как часы, отправлялся обедать в гостиницу «Нуссбаум» на Фишерштрассе. Там могут знать. Я просто уверена.

Мы вернулись на место преступления, и я помахал Мичеку. Хотел, чтобы он тоже послушал, пока я буду диктовать фрау Кюнстлер через заднее окно фургона. Та, не поднимая глаз, стучала по клавишам «Торпеды», такой же гладкой и черной, как лак у нее на ногтях. Я впервые осознал, что наша стенографистка гораздо моложе, чем мне казалось. Моложе и, возможно, незауряднее. На затылке она носила маленький черный берет, а на плече черного платья – брошь в форме большого черного кузнечика. Своей бледностью и густыми темными тенями вокруг глаз фрау Кюнстлер напоминала Теду Бара¹⁷.

Тем временем Ганс Гросс фотографировал уже в свете дуговых ламп, используя теперь камеру «Фолмер-Швинг». Пока я там находился, с «Алекс» поступил вызов по радио. От Генната. Я пересказал ему все, что удалось выяснить, а когда он покинул эфир, попросил Мичека и еще одного коппера в форме сопровождать меня в «Нуссбаум».

– Знаете такое место? – спросил я Мичека.

– Все на острове знают. Самый старый берлинский бар. Отсюда пять минут пешком. Но там недолюбливают копперов. Особенно в день выплаты жалованья.

¹⁷ Теда Бара, урожденная Теодосия Барр Гудман, – американская актриса, звезда немого кино и секс-символ конца 1910-х годов.

- Хорошо. Меня это вполне устраивает.
- Неплохо бы вызвать подкрепление, наверное.
- Оно нам не понадобится.

Когда мы добрались до «Нуссбаума», я велел патрульным ждать снаружи, по обеим сторонам здания, а сам собрался зайти и задать свои вопросы.

– Ты уверен, парень? – переспросил Мичек. – Там внутри крепкие ребята. И, вероятно, по большей части пьяные.

– Если кто-нибудь поторопится сбежать, я хочу, чтобы вы его остановили. Просто чтобы я мог на него взглянуть. Мало ли что. Полагаю, убийца дождался, пока Кляйбер закончил обед, а затем пошел за ним. Так что, возможно, он все еще где-то рядом.

– Ладно, парень. Я понимаю, к чему ты клонишь. Но будь осторожен. Нет смысла быть сегодня прибитым.

«Нуссбаум» располагался в доме номер двадцать один по Фишерштрассе то ли с 1505, то ли с 1705 года, в зависимости от того, кто рассказал его историю. Он воплощал представления любого американского туриста о питейных заведениях старого Берлина: высокая, немного шаткая двускатная крыша и окна, вид которых заставлял вспомнить сказку, где среди прочего была ведьма с длиннющим носом. В запущенном садике перед зданием росли, в основном, липы, а у зеленого штакетника выстроилась вереница маленьких оборвышей, которые, вероятно, ждали, пока их родители закончат пропивать жалованье. На расстоянии десяти футов можно было учуять запах пива и услышать хриплый смех крепко принявших мужчин и женщин.

Входя в заведение, я постарался затолкать свою нервозность поглубже в карман брюк.

В баре я взял стакан и громко постучал по нему ножом:

– Прошу внимания, пожалуйста.

Гул постепенно стих.

– Я детектив с «Алекс»...

Кое-кто засвистел и зашикал. Обычное берлинское дружелюбие.

– ...и расследую убийство человека, который приходил сюда каждый день. Его звали Бруно Кляйбер, он заправлял нелегальной рулеткой под мостом Гертрауден. Сегодня днем его ограбили и зарезали, а тело столкнули в реку. Я хотел бы поговорить со всеми, кто его сегодня видел или может пролить свет на то, что с ним случилось.

– Он был евреем, – выкрикнул кто-то. – Так кому какое дело? Может, с ним просто поступили так, как он поступал с другими.

– Да, грабил, – со смехом добавил другой голос.

– Я в это не верю. Судя по тому, что я слышал, он вел дела честно.

– Кляйбер был здесь сегодня, – произнес мужчина, стоявший ко мне ближе остальных. – Как всегда. Пообедал, выпил пива и ушел.

– В каком часу?

– Пришел около двенадцати. Ушел около двух. Наверное, после этого все и произошло.

– Вы не видели, кто-нибудь с ним разговаривал?

– Он держался особняком, – ответил другой мужчина. – Никогда никому не надоедал.

Из-за стойки вышел хозяин кабака с небольшой полицейской дубинкой в руке.

– Мертв, говорите? Скверно. Бруно Кляйбер был хорошим клиентом и хорошим человеком, и я отделаю любого из вас, ублюдки, кто скажет иначе. Поняли?

Гул снова стих.

– Если кто-то что-то вспомнит, можете позвонить на «Алекс» и сообщить мне конфиденциально. Меня зовут Гюнтер. Бернхард Гюнтер.

Не самое тонкое исполнение, но, с другой стороны, таким оно и должно быть. Я собирался лаять погромче в надежде поймать в загон парочку овец.

Снаружи «Нуссбаума» овцы нашлись. Во всяком случае, одна. Мичек и второй полисмен задержали мужчину, который немедленно стал моим подозреваемым номер один. Я сразу узнал его по описанию Доры Гауптманн. Оба коппера достали дубинки и всем видом выражали готовность подавить любое сопротивление. Пусть даже такого крутого парня.

– Он вышел, как только ты начал свою речь, – сообщил Мичек. – И очень торопился. Будто совсем не хотел помогать берлинской полиции.

– Ты Кубе? – спросил я парня.

– Не-а.

– Значит, Кольбе?

Здоровяк пожал плечами.

– А кто спрашивает-то?

От него разлило пивом, и на ногах он держался достаточно нетвердо, чтобы у меня не осталось сомнений: парень пил весь день.

– Я слышал, тебе платили за то, чтобы ты прикрывал Бруно Кляйбера.

– Кто это сказал?

– Не имеет значения. Просто ответь на вопрос.

– Ты взял не того, коппер. Я играл на рулетке этого еврея, как и многие тут, но никогда не был его шавкой.

– Имеешь что-то против евреев? – спросил я.

– А кто не имеет?

– Непохоже, что в баре тебя поддержали бы, – сказал я. – К тому же, насколько тупым надо быть, чтобы признаться в нелюбви к евреям, когда в пяти минутах ходьбы лежит труп одного из них?

– Ну, не люблю я евреев. Что с того?

– Я бы посчитал, что это дает тебе мотив для убийства. Это и «поплавок» в сто марок, который был в заднем кармане покойного. Достаточно причин для обыска.

– Попробуй, и поглядим, что получится, коппер.

– Обыщите его.

Кольбе замахнулся своим огромным кулаком, но получил по затылку дубинкой Мичека. Не сильно, но этого хватило, чтобы свалить парня с ног и слегка оглушить, лишив на несколько минут возможности сопротивляться. Мы обшарили его карманы и почти сразу нашли печатку из чистого золота. На ней была Звезда Давида.

– Для человека, который не любит евреев, у тебя довольно любопытные украшения, – сказал я.

На ладони Мичека лежал открытый кожаный бумажник хорошего качества: любой понял бы, что эта вещь не принадлежит Кольбе. Во-первых, внутри была свадебная фотография Кляйбера с женой. Во-вторых, в бумажнике оказались две банкноты по сто марок. Еще в кармане Кольбе нашлись пустые кожаные ножны от оружия убийства. Это был, наверное, самый легкий арест, который я когда-либо производил. Но вскоре мне представился случай узнать, что не все берлинские убийцы так же тупы, как Герберт Кольбе.

Мы вернулись на «Алекс», чтобы посадить Кольбе под замок. Мне пришлось в одиночку открывать тяжелую входную дверь, толкнув ее обеими руками, – Гросс нес камеру, а патрульные волокли арестованного за мускулистые предплечья. Дверь захлопнулась за нами с оглушительным грохотом, похожим на выстрел гаубицы во время Страшного суда. В вестибюле было напряженно, как на передовой: пьяных разводили по камерам, стучали пишущие машинки, звонили телефоны, раздавались возгласы полицейских, звенели ключи, плакали женщины, лаяли служебные псы, и постоянно хлопала входная дверь этого своеобразного столичного ада, которым являлся Берлинский полицейский президиум. Оставив парней в зеленом разбираться с нашим задержанным, я торопливо выпил кофе и перекурил в буфете, а после поспешил в

отдел, чтобы составить рапорт. Но на лестнице повстречал не кого иного, как Курта Райхенбаха. На секунду между нами повисло неловкое молчание, затем Райхенбах вежливо приподнял шляпу.

– Только что услышал, что мое место в фургоне досталось тебе, – приветливо произнес он. – Поздравляю, дорогой друг. Хорошая перемена для тебя. И вполне заслуженная.

– Спасибо. Это очень любезно с твоей стороны, Курт.

– Вовсе нет. Говорят, ты далеко пойдешь, Гюнтер. В два счета станешь комиссаром. А у меня слишком длинный язык, так что, наверное, даже хорошо, что место досталось другому. По правде говоря, два еврея в одной машине – ровно на одного еврея больше, чем нужно. А вот ты понимаешь, когда стоишь держать язык за зубами, парень. В этом секрет здешнего продвижения по службе. Знать, когда держать рот на замке. И когда забывать о политике. К тому же в полиции и так слишком много чертовых адвокатов. Среди комиссаров их полно. Ты – та самая новая кровь, в которой нуждается это место.

Райхенбах был невысоким, бородатым и с легкой улыбкой. Почти в любую погоду он ходил в тонком плаще из черной кожи и носил при себе толстую трость. Поскольку с ногами у него было все в порядке, справедливо полагали, что трость заменяла ему дубинку.

Для детектива Райхенбах выглядел щеголем. За ленту его котелка было воткнуто перо, на узле зеленого галстука красовалась золотая булавка, а рот редко покидал обожаемый янтарный мундштук для сигар. Даже будучи пустым. Но сегодня в него была вставлена сладко пахнущая «Доминиканская Аврора». Я точно знал марку, поскольку, пока мы разговаривали, Райхенбах великодушно засунул одну из сигар в нагрудный карман моего пиджака.

– Кстати, вот кое-что для тебя. Отличный способ отпраздновать твое повышение и показать, что я не в обиде. Мне их присылают из специального магазинчика в Амстердаме.

– Спасибо, Курт. Они, должно быть, дорогие.

– Конечно дорогие. Но ведь в курении дешевых сигарет нет никакого смысла, правда?

Я почти не сомневался, что он намекал на Бернхарда Вайса. Однако Райхенбах не стал развивать эту тему, и я пропустил его слова мимо ушей.

– Моя жена работает медсестрой и не одобряет курение, но где была бы Кристо¹⁸ без табака? Вот что я скажу. Быть детективом непросто и без отказа от того, что подстегивает старую серую машинку. – Он постучал пальцем по голове и ухмыльнулся. – Полагаю, если я когда-нибудь перестану думать, то, наверное, завяжу. А до тех пор продолжу дымить. Наперекор жене.

Я провел сигарой под носом, с благодарностью смакуя ее запах и тихо гадая, откуда у него деньги на подобную роскошь. Я был совершенно уверен, что видел его кожаный плащ в витрине «Пик энд Клоппенбург», где тот стоил больше тысячи рейхсмарок. По слухам, Райхенбах подрабатывал на стороне ростовщиком. С другой стороны, это могло быть обычным антисемитизмом – мне-то он никогда не предлагал взаймы. Но детективам в прусской полиции и в самом деле не особенно щедро платили: что правда, то правда.

– Кстати, Гюнтер, ты можешь оказать мне услугу, если пожелаешь.

– Конечно. Если смогу.

– У меня есть подруга, которая занимается кино. Теа фон Харбоу. Она сценаристка и жена Фрица Ланга, кинорежиссера. – Курт сделал паузу. – Я так понимаю, ты слышал о Фрице Ланге.

– Да, слышал.

– Теа пишет сценарии к его фильмам и сейчас собирает материалы для нового, про насильника-убийцу. Ей бы очень хотелось поговорить с кем-нибудь из знаменитой берлинской Комиссии по расследованию убийств.

¹⁸ Сленговое слово, означающее в Германии криминальную полицию (от нем. *Kriminalpolizei*).

– Послушай, я же только приступил. Не уверен, что могу рассказать ей то, чего не смог бы ты. Ты ведь и сам работал на Комиссию.

– Верно, но я-то не постоянный сотрудник. И сейчас не расследую дел об убийстве. Это важное отличие. По крайней мере для нее. К тому же она амбициозно рассчитывает пообщаться с самим Большим Буддой, а мы с Геннатом на ножах, что теперь очевидно для всех. Мне он, разумеется, откажет, спроси я о Тее фон Харбоу. Геннат считает меня головорезом. Что ж, вероятно, так оно и есть. Я стараюсь как можно лучше исполнять свои обязанности, но иногда немного увлекаюсь, особенно когда дело касается нацистов. В любом случае, тут я Тее не помощник, вот и надеялся, что ты с ней поговоришь. Послушай, ее на самом деле заботит только одно – чтобы тот, с кем она встретится, был постоянным сотрудником Комиссии. Полагаю, это важно для ее супруга. Судя по всему, это очень привередливый тип.

– Конечно, я встречаюсь с ней. Если Геннат даст разрешение.

– Уверен, он разрешит. Если ты попросишь. Геннат любит кино. Почти так же сильно, как красивых женщин. А раз теперь ты его любимчик, он ни в чем тебе не откажет. Особенно если меня не обманули и тебя уже можно поздравить с первым арестом.

– Так и есть. Но там ничего особенного. Парня взяли практически с поличным.

– Уверен, ты просто скромничаешь. Что весьма похвально. Вайс любит толику скромности в своих детективах. И ненавидит, когда кто-то затмевает его любимый отдел. Он терпит славу Большого Будды лишь потому, что самому Эрнсту Геннату на нее плевать. Заметно даже по тому, как он одевается. Геннат ни для кого не представляет опасности. Эти его костюмы выглядят так, словно их кроили ножом для сыра.

– В общем, скромность мне больше к лицу. Я неубедительно выгляжу, когда командую людьми.

– Ну, в любом случае поздравляю. Даже простой арест может утечь сквозь пальцы, Гюнтер. Запомни это. И убедись, что не пренебрег бумажной работой. Вайс – прежде всего юрист, а юристы любят отчеты.

– Я как раз поднимался, чтобы закончить свой.

– Молодец. Итак, вот визитка Теи... – Он понюхал карточку, прежде чем передать: – Ммм. Надушенная. В любом случае, можешь сам ей позвонить. Она довольно привлекательная. Для тебя, наверное, слегка старовата. Но все же интересная женщина.

– Значит, ты с ней уже встречался?

– О да!

– Здесь?

– Нет. Хотя ей очень хотелось осмотреть Комиссию. Но тогда я не осмеливался привести ее сюда, чтобы не уменьшить шансы получить место Линднера. Нет, я сводил ее в Музей полиции, в зал Ханно, затем в Институт сексуальных наук Хиршфельда в Ден-Зелтене, просто чтобы придать моим историям, так сказать, дополнительный колорит. В институте, в основном, фотографии извращенцев и японские фаллоимитаторы, но она, кажется, нашла это довольно интересным. Особенно фаллоимитаторы. По крайней мере ты, наверное, сможешь отлично поужинать. Меня она возила к Хорчеру.

Я сунул визитную карточку в карман и кивнул:

– Пообещал сделать, значит, сделаю. Как всякий мужчина, я люблю бесплатные ужины.

– Хорошо, хорошо. – Райхенбах приподнял шляпу и начал спускаться по лестнице, размахивая тростью и попыхивая сигарой. – Хотя я не могу всего этого понять. Фильм о мужчине, который убивает берлинских шлюх? Кому до такого есть дело? – Он рассмеялся. – Здесь точно никому. С тем же успехом подобное кино можно снимать в Рейхстаге. Иногда думаю, что мне следовало стать не полицейским, а продюсером.

Я, видишь ли, понимаю публику. Знаю, чем ее напугать. Уж точно не тем, кто раздавил парочку «кузнечиков». Большинство немцев считают, что девки сами напросились.

Хотелось возразить, крикнуть в головокружительно высокий лестничный проем, что мне не все равно. Даже очень не все равно. И не только потому, что теперь я был связан с Комиссией по расследованию убийств. Я подумал о Розе Браун. Каково ей было бы оказаться в Шпрее со сломанной шеей? Никто не заслуживал подобной смерти, даже если рисковал, торгуя собой. Но меня заботила не только Роза. За время работы в отделе нравов я познакомился со многими девушками, «катавшимися на санях», и, по большей части, они показались мне честными, хорошими людьми. Одна или две даже сдали абитур. Среди них не было никчемных «кузнециков», о которых говорил Райхенбах. Для многих одиноких женщин жизнь в Берлине оказывалась скользкой дорожкой, что, конечно, и стало одной из причин того, что проституцию называли «катанием на санях». И весь город, казалось, морально разложился, когда в переулке появилась девушка со сломанной шеей и срезанным скальпом. Но вряд ли стоило спорить с Райхенбахом – тот был уже на полпути к выходу. Кроме того, пока стоило держать рот на замке. В конце концов, Райхенбах выше меня по званию. И он не то чтобы неправ – большинство полицейских на «Алекс» действительно не особо заботила судьба нескольких проституток.

Да и в советах его – пусть даже банальных – не было ничего плохого. Бернхард Вайс не одобрял, когда в газеты попадали имена детективов Кристо, и любил порядок в бумажной работе. Безупречно составленные документы – лучшая гарантия честного расследования. Его слова – не мои. Вряд ли босса можно было в этом упрекнуть: он часто подавал на нацистов в суд за клевету и никогда не делал этого без вороха подробнейших полицейских отчетов, поэтому, конечно, всегда выигрывал. Вайс выходил из зала суда победителем не меньше десяти раз, и наци ненавидели его за это. Ему следовало завести телохранителя, но Вайс пренебрегал полицейской защитой на том основании, что нацисты начнут критиковать его и за это. Однако у него был пистолет – после убийства в девятнадцатом году его друга, журналиста-социалиста Курта Эйснера, каждый еврей носил при себе пистолет. В двадцать восьмом году это лучшая страховка, которую можно купить за деньги. Наверное, поэтому у меня их было два.

Вайс и Геннат подошли к моему новому столу вскоре после того, как я сел печатать рапорт. Окна отдела выходили на Дирксенштрассе, из них открывался прекрасный вид на железнодорожный вокзал и западную часть города. Ночью Берлин казался больше. Больше, спокойнее и куда безразличней, чем днем. Словно был чьим-то дурным сном. Смотришь на все эти неоновые огни, точно вглядываешься в космос, и гадаешь: отчего чувствуешь себя таким ничтожным? Не то чтобы в этом заключалась какая-то великая тайна; на самом деле существовали только свет, тьма и какая-то жизнь между ними, а ты делал с этим то, что мог.

– Вот он, – произнес Геннат. – Наш берлинский Фило Вэнс¹⁹.

У меня болели ноги, но я все равно встал. Вайс и Геннат были в пальто, и казалось, вот-вот отправятся домой. В конце концов, пробило одиннадцать. Они были странной парой, походили на Лорела и Харди²⁰: миниатюрный аккуратный Вайс и крупный бесформенный Геннат. Первый обладал блестящим умом, но второй лучше шутил. Геннат заглянул в отчет на каретке моей пишущей машинки и шумно поскреб подбородок. Звук был такой, словно кто-то подметал тропинку граблями. Большому Будде срочно требовалось побриться.

– Пока можешь забыть об этом, – сказал он, указав на пишущую машинку. – Позже допишешь.

Прозвучало неплохо. Мысленно я уже направлялся в «Халлер-Ревю» и представлял, каково раздевать женщину, переодетую мужчиной. День выдался долгим.

– Хорошая работа, Гюнтер.

Я сказал им то же, что и Райхенбаху: мы взяли убийцу практически с поличным.

¹⁹ *Фило Вэнс* – детектив-любитель из романов С. С. Ван Дайна, очень популярный в 1920-х и 1930-х годах.

²⁰ *Стэн Лорел* и *Оливер Харди* – британо-американские киноактеры, комики, одна из самых популярных комедийных пар в истории кино.

– Он пропивал добычу в том самом месте, где встретился со своей жертвой. – Я рассмеялся. – Должен был охранять покойного, но влез в долги. В кармане этого болвана были даже золотой перстень и бумажник убитого.

– В том-то и беда с телохранителями, – сказал Вайс. – Подобное происходит из раза в раз. И всегда заканчивается презрением к человеку, которого они должны защищать. Полагаю, все достаточно просто. Пока охраняешь человека, узнаешь его причуды и слабости. А тот не успевает понять, что доверил жизнь тому, кто хочет проделать в нем дыру.

– Хорошо, что большинство наших клиентов тупые, – заметил Геннат. – Не знаю, как бы мы и половину поймали, будь у них у всех абитуры.

– Убийца остается убийцей, – Вайс протер очки. – Как бы его ни поймали. Сама поимка – вот что имеет значение. Не тайна, не розыск, не интеллектуальное противостояние между тобой и убийцей. Только арест. Все остальное – несущественно. Запомни это, Гюнтер.

Геннат налил нам по стаканчику шнапса из пол-литровой бутылки, которую держал в кармане пальто. Затем поднял свой и ждал, пока мы с Вайсом последуем его примеру. В толстых розовых пальцах Генната стакан походил на хрустальный наперсток.

– За что пьем? – спросил я, полагая, что, возможно, за мой первый успех.

– Ни за что, парень, – ответил Геннат. – Нам нужно пойти и осмотреть еще одно тело.

– Прямо сейчас?

– Верно. Сейчас. Сию минуту. И, судя по всему, нам понадобится немного жидкой отваги. Жертва, похоже, то еще аппетитное зрелище.

– С очередной девушки сняли скальп, – добавил Вайс и, к моему удивлению, залпом осушил стакан.

Я проглотил шнапс, схватил шляпу и пальто и последовал за ними к двери.

Сев в фургон у главного входа в Президиум, Вайс спросил, все ли документы по делу Силезского вокзала я прочел.

– Пока нет, сэр. Я прочитал досье Матильды Луз и Хелен Штраух. Как раз собирался взяться за третье дело – покушение на убийство, когда поступил звонок об утопленнике в Шпрее.

– Мы ждем Ганса, Ева? – Геннат смотрел на фрау Кюнстлер, которая деловито раскуривала сигарету.

– Он сказал, что не задержится. Что ему нужно забрать новые пластины для камеры.

– Думаю, мертвая девушка подождет, – сказал Вайс. – Как и всегда. Это ведь я спешу домой, а она уже нет. Бедняжка.

– Да, сэр.

– Эрнст, введи Гюнтера в курс дела о попытке убийства, – попросил Вайс. – Ты не против подобных разговоров, Ева?

– Нет. Не против. Ведь я печатаю отчеты о жертвах. Думаете, потом я забываю все это? Иногда мне кажется, в этом городе трупов больше, чем на поле боя. Я пытаюсь выбросить из памяти, но надолго не получается. Чтобы на самом деле забыть, нужно хобби, а у меня нет времени, потому что я постоянно в этой чертовой машине.

– Прости, и мне жаль, что я снова прошу тебя поработать допоздна, – сказал Вайс.

– Все в порядке. К счастью для вас, мне нужны деньги. Кроме того, я плохо сплю с тех пор, как начала тут работать.

– Не удивлен, – произнес Геннат.

– О, это не имеет никакого отношения к убийствам и подробностям того, что случилось с жертвами. С этим я могу справиться. Почти. Дело в соседнем этаже ниже. Он из хорового

ансамбля «Комики-музыканты»²¹. И когда напивается, что, кажется, случается в любое время дня и ночи, он поет.

– Я слышал о них, – сказал Геннат. – Они знаменитости.

– Да, но это ненадолго, – ответила Ева Кюнстлер. – Однажды вечером вам позвонят и вызовут в дом на Потсдамершоссе, где вы увидите певца с перерезанным горлом, а над ним – меня с бритвой в руке.

– Хороший район, – сказал Геннат. – Там у нас убийств еще не было. Приятно для разнообразия отправиться в такое место. И я, разумеется, постараюсь забыть наш разговор. Честнее сделки и быть не может.

– Эрнст помнит каждую деталь каждого убийства, которое расследовал, – произнес Вайс. – Не так ли, Эрнст?

– Не знаю. Может быть. Раз ты так говоришь.

– Одна из причин, почему он такой хороший детектив. Большой Будда ничего не забывает. Итак. Введи Берни в курс дела девушки номер три. Дело Фрица Пабста.

– Фрица? У нее мужское имя?

– Поверь мне, – ответил Вайс, – сходства только начинаются.

– Фриц Пабст, также известный как Луиза Пабст, был проституткой-трансвеститом, – начал Геннат, – к тому же хорошим. То есть даже при свете дня было трудно определить, что на самом деле он – мужчина. Фотографии Фрица, одетого Луизой, спасительны для любого, кто считает себя опытным и бывалым человеком. Вплоть до его нижнего белья от Гошенхофера.

– Жаль, что я не могу себе позволить такие красивые вещи, – пробормотала фрау Кюнстлер.

– Пабст вел фотоальбом и планировал стать певцом в «Пан Лаундж». Днем работал в галантерейном отделе универмага Вертхайма, а ночью часто посещал «Пан» и «Эльдорадо», неподалеку от того места, где на него напали и бросили умирать. Именно так: бросили умирать. Потому что девушка номер три пережила нападение.

Пабст настаивает, что никого не подцеплял, а нападавший просто появился из темного дверного проема и ударил. Как и в предыдущих случаях, удар молотком сломал жертве шею. Мы полагаем, когда убийца попытался снять скальп, у него в руке оказался парик, с ним он и сбежал. Однако жертва осталась жива и дала ключ к разгадке, который нам до сих пор удавалось скрывать от газет. Фриц ничего не помнит об убийце, за исключением того, что за несколько секунд до нападения слышал, как кто-то насвистывал мелодию. Удалось выяснить, что это была мелодия из «Ученика чародея» французского композитора Поля Дюкаса. Фриц не знал названия, но напел ее мне, а я насвистел ее музыканту из филармонии на Бернбургерштрассе, который и опознал мотив. Единственная свидетельница – женщина, нашедшая Фрица, – видела какого-то мужчину. Она не помнит, чтобы тот свистел, но помнит, как он мыл руки в поилке для лошадей неподалеку от лежавшего без сознания Фрица. У мужчины была мягкая широкополая шляпа и длинные светлые волосы, зачесанные на одну сторону, в стиле богемы. «Как у актера», – описала она. Фриц Пабст восстанавливается в больнице, но до сих пор ничего больше не вспомнил. И, откровенно говоря, вряд ли вспомнит. Будет чудом, если он снова сможет ходить, бедняга. На каблуки ему точно уже не встать.

Появился Ганс Гросс. Он открыл заднюю дверцу фургона, положил на сиденье к штативам и дуговым лампам коробку с фотопластинами, потом забрался внутрь и разместился рядом с фрау Кюнстлер. Гросс сжал Еве колено и затянулся ее сигаретой: к моему удивлению, наша стенографистка не возразила ни против того, ни против другого.

– Извините, что заставил ждать. Сэр, мне понадобится еще кое-что из «Аншютца». Мы слегка поиздержались.

²¹ Популярный немецкий мужской квинтет, который был основан в 1927 году.

– Расследование убийства – дело дорогостоящее, – ответил Вайс. – Особенно в Берлине. Я разберусь, Ганс. Предоставь это мне.

Водитель – полисмен в форме – завел двигатель, и мы тронулись, а за нами последовала патрульная машина.

– Куда едем? – поинтересовался Гросс.

– На Вормсерштрассе, – ответил Вайс.

– Это гораздо западнее предыдущих жертв.

– Могу я продолжать? – спросил Геннат.

– Мы все – внимание, – сказал Вайс.

– Так вот, в то время я не мог понять, зачем убийце понадобилось мыть руки. Он же не снял скальп, значит, о крови речи не было. Но, обходя район днем, я обнаружил свежую зеленую краску на дверях Патентного бюро на Альт-Якобштрассе, и мне пришло в голову, что убийца, возможно, смывал ее, а не кровь. Поэтому мы сняли двери, тщательно осмотрели их на предмет отпечатков и обнаружили частичный след руки. Который, конечно, мог принадлежать, а мог и не принадлежать убийце. К сожалению, отпечаток не совпал ни с одним из картотеки, и на данный момент у нас пусто.

– Однако идея была толковой, – сказал Вайс. – Уверен, я бы до такого не додумался. Большой Будда очень похож на своего древнего тезку, Гюнтер. Он не только просветлен, но и наделен высшим знанием. Научись у него девяти качеств хорошего детектива. Изучи их и сделай своими собственными.

– У Фрица Пабста не было ни парня, – продолжал Геннат, не обращая внимания на комплименты, – ни девушки, ни чего-то среднего, если вы понимаете, о чем я. Так что мы не можем все свалить на какого-нибудь бедного влюбленного ублюдка. Но – и это любопытно – рядом с выброшенным париком Фрица мы нашли банкноту в один фунт стерлингов. Словно она выпала из кармана убийцы.

– И сколько это? – спросил я.

– Около двадцати рейхсмарок.

– Что примерно в два раза больше, чем берут уличные шлюхи, – сказал я. – Так что убийца вполне мог предложить такую банкноту Фрицу Пабсту. Или Луизе. Вместо немецких денег. Не то чтобы это имело значение.

– То есть? – спросил Геннат.

– Если убийца все равно собирался разделаться с Фрицем Пабстом, какая ему разница, сколько денег предлагать? И будут ли это вообще деньги? Пока Фриц подносил их к свету, пока рассматривал, стало, вероятно, слишком поздно.

– Значит, ты полагаешь, Фриц мог солгать, что никого не подцепил?

– Необязательно. Когда тебя пытаются убить молотком, не только свежий обменный курс забудешь. Все забудешь, что неувидительно. Я бы точно забыл. В любом случае это значит, что убийца может быть англичанином. Или он хочет, чтобы его принимали за англичанина. – Я пожал плечами. – Или банкноту обронил кто-то никак не связанный с этим делом.

– На ней нашли следы зеленой краски, – сказал Вайс. – Той же, что была на Патентном бюро. Мы обратились в Банк Англии за информацией, но там смогли сообщить лишь то, что банкнота из партии, отправленной в банк Уэльса. Вперед нас это не продвинуло.

– Ну, не знаю, – сказал я. – Многим немцам легче дышалось бы по ночам, окажись убийца англичанином.

– Почему ты так говоришь? – спросил Вайс.

– Наверное, меня тревожит, что после войны мы как народ стали очень жестокими. И все еще пытаемся смириться с тем, что произошло. С нашей недавней историей.

– Прозвучало так, будто история может закончиться, – сказал Вайс. – Но боюсь, ее урок в том, что на самом деле ничего не заканчивается. Ни сегодня, ни, тем более, завтра.

– Может быть, но нельзя отрицать, что у людей появился вкус к крови и человеческим страданиям. Как у древних римлян. И, думаю, любой немец, который гордится своей страной, предпочел бы, чтобы Виннету был не из Германии, а откуда-нибудь еще.

– Хорошая мысль, – признал Геннат.

– Возможно, наш убийца – турист, приехавший за сексом, – продолжал я. – Берлин полон англичан и американцев, которые получают самый выгодный курс обмена и в наших ночных клубах, и у наших женщин. Нас надули в Версале, а теперь и дома надувают.

– Начинаешь говорить как нацист, – заметил Вайс.

– Никогда не ношу коричневое, – ответил я. – Это определенно не мой цвет.

– В Версале нас обманули не англичане с американцами, – сказал Вайс. – И даже не французы, а наше собственное верховное командование. Оно продало нам дерьмо про удар в спину. Чтобы самому сорваться с крючка.

– Да, сэр.

– Гюнтер, мне бы хотелось, чтобы ты как-нибудь встретился с доктором Хиршфельдом. Он убежден, что убийца – не мужчина, который ненавидит женщин, а мужчина, который любит женщин так сильно, что хочет стать одной из них.

– Тогда у него забавный способ проявлять любовь, сэр, – сказал я. – Мне кажется, любому мужчине, который действительно хочет быть женщиной, достаточно поступить как Фриц Пабст – купить себе красивое платье и хороший парик, назваться Луизой и отправиться в «Эльдорадо». Там полно мужчин, которые хотят быть женщинами. Не говоря уже о женщинах, которые хотят быть мужчинами.

– Это не то же самое, что стать настоящей женщиной, – ответил Вайс. – По словам Хиршфельда.

– Верно, – сказал я. – И я, безусловно, буду изо всех сил цепляться за этот факт, когда в следующий раз заговорю с незнакомкой. Настоящими женщинами рождаются. Даже уродливыми. Остальное – просто засовывание фамильных драгоценностей поглубже в буфет. Но кто знает? Возможно, убийца настолько глуп, что отрезал себе интимные части. И когда мы его арестуем, обнаружим, что у него кое-чего не хватает.

– Никто не может быть настолько тупым, – сказал Геннат. – Ведь истечешь кровью до смерти.

– Мне казалось, вы говорили, что большинство наших клиентов – тупицы.

– Да, большинство. Но то, что ты описываешь, явное безумие.

– Таких психов нет даже в Берлине, – заметил Ганс Гросс.

– Возможно, парень подошел к этому краю ближе остальных, – заявил я. – И если в стремлении стать женщиной он отрежет себе мужское достоинство, точно избавит нас от необходимости отрезать ему голову.

Вайс рассмеялся.

– Я начинаю думать, что стакан шнапса – слишком много для Гюнтера. Не слышал от него столько слов, с тех пор как мы дали ему место в фургоне. И кое-что из этого даже имеет смысл.

Я опустил окно и глубоко вдохнул влажный ночной воздух. Меня опьянил не шнапс, а табачный дым: я понял, что если когда-нибудь стану детективом отдела по расследованию убийств, то мне придется поработать над своей привычкой курить. По сравнению с этими людьми, я был просто дилетантом. И начинал понимать, почему и у Эрнста Генната, и у Ганса Гросса голоса напоминали скрежет напильника. Голос фрау Кюнстлер, как и ее маникюр, больше походил на черный кофе.

– Извините, сэр.

– Нет, я люблю, когда мои детективы говорят, потому что, как ни удивительно, мне нужна пища для размышлений, какой бы странной и экзотической она ни была. В этой машине

можешь говорить что угодно. И мне, и Большому Будде. Лишь бы это не задевало фрау Кюнстлер.

– Не беспокойтесь обо мне, – отозвалась та, снимая чехол со своей «Торпеды». – Я из Веддинга и могу сама о себе позаботиться.

– Но если ты все-таки заговоришь, постарайся делать это занимательно. Мы ненавидим скучных людей. И брось этого «сэра», пока находишься в фургоне. Мне нравится, когда здесь все неформально.

Окно автомобиля по-прежнему было опущено, поскольку меня подташнивало, дождь и прохладный воздух приятно ласкали лицо. Мы остановились на светофоре к юго-востоку от Александерплац, на Фридрихштрассе, сразу за «Джеймс Кляйн Ревю», который соседствовал с «Халлер-Ревю». Оба заведения были ярко освещены и выглядели полными жизни. Полными людей. Пьяных или обдолбанных людей с кучами денег. Едва ли кто-нибудь из них задумывался о взрыве на заводе «Вольфмиум» и о погибших рабочих, коих уже насчитывалось пятьдесят человек. По крайней мере снаружи фургона вечер пятницы проходил лучше, чем внутри. Взрывы смеха и какофония джаза доносились из обоих клубов, усиливая ощущение порока и неводержанности, которое витало в воздухе. Между заведениями стоял «коричневый» из СА с коробкой для пожертвований, словно среди завсегдатаев кто-то способен был позабыть, что нацисты хотят закрыть все ночные клубы Берлина. Швейцар «Джимми Кляйна», высоченный русский по имени Саша с зонтом, не уступавшим размерами куполу Рейхстага, подошел к нашей машине. С угодливой улыбкой, в которой недоставало зубов, он наклонился к моему окну:

– Господа, почему бы вам не присоединиться? Заходите, могу обещать, что вы не будете разочарованы. У нас полностью обнаженные танцовщицы. Семьдесят пять голых девушек – больше, чем в любом другом берлинском клубе, – чья смелость и дерзость бесподобны. «Джеймс Кляйн Ревю» с гордостью представляет вечер без морали в двадцати четырех картинах потрясающего эротизма.

– Всего один вечер? – пробормотал Вайс. – Или целый десяток?

В этот момент Саша узнал меня. Мы были давними знакомыми, еще с моей службы в полиции нравов. Время от времени он становился ценным информатором.

– Ох, простите, герр Гюнтер, – сказал швейцар. – Не сразу понял, что это вы. Решили, значит, бизнесом заняться? – Он говорил о фургоне отдела убийств и его обитателях. Надо признать, что мы действительно напоминали компанию плакальчиков. – Хотите несколько бесплатных билетов? Сегодня вечером конференсье – Пол Морган. Как по мне, у него лучшие сальные шутки во всем Берлине.

Но я почти не слушал. Мой взгляд был прикован к дверям «Халлер-Ревю»: я пытался различить звуки саксофона и гадал, какую часть музыки исполняет Роза Браун. Ясное дело, этим вечером я не собирался заходить в «Халлер», чтобы увидеться с ней. Не сиди рядом Вайс и Геннат, можно было бы сбегать и сказать на кассе, что оставленный билет не нужен и Розе не стоит меня ждать. Как бы то ни было, цвет светофора сменился, и мы поехали на поиски нашего трупа. Полная машина упырей, которые не проявляли особого интереса ни к живым, ни к картинам эротизма, ни к эпатажу или чему-либо еще. Разговоры смолкли. Неизбежность встречи с убитым пресекает большинство нормальных бесед.

На Виттенбергплац фургон замедлил ход, затем свернул на Вормсерштрассе, в просторный двор, окруженный ухоженными домами. Офицеры в форме направляли нас светом фонарей, мы проехали в дальний угол двора. Возле крутой лестницы, которая вела в подвал, ждал старший следователь из Полицейского управления на Софи-Шарлоттплац, к северу от Ку'дамма.

Иоганн Кернер по прозвищу «Эрих Людендорф»²² с чуть меньшим, чем у генерала, количеством воска на том мертвом барсуке, которого называл усами, был настоящим прусским полицейским старой школы с *пикельхаубе*²³ в заднице. Другими словами, он не любил современных полицейских-юристов со свежими идеями – вроде Бернхарда Вайса – почти так же сильно, как не любил умных евреев – вроде Бернхарда Вайса. Они и раньше скрещивали шпаги, но Вайс так запросто с ним разговаривал, что ты никогда не догадался бы об их вражде.

– Комиссар Кернер, рад видеть. Насколько понимаю, у вас здесь мертвая девушка, с которой сняли скальп.

– Работа Виннету, все верно. Я в этом уверен, сэр. Удар молотком по затылку и снятый скальп. Она лежит у подножия этой лестницы. Я бы сказал, что умерла рано утром.

– Дело, разумеется, принадлежит вам, пока вы не решите иначе. Но, как вы знаете, мы уже расследовали два или три подобных случая, что дает нам определенное представление о *modus operandi*²⁴ убийцы. Так что мы можем остаться здесь в качестве консультантов, или работать вместе с вами, или взять дело на себя – как вы предпочитаете. Решение полностью зависит от вас.

Кернер взглянул на наручные часы, словно заметив, что ему давно пора спать, пригладил усы, затем привстал на цыпочки:

– Почему бы мне просто не рассказать то, что нам с моими парнями удалось выяснить, а потом покинуть вас, сэр? Уверен, вы со своими людьми знаете о таких вещах куда больше меня.

Не могу сказать, подразумевались ли под «своими людьми» те, кто сидел в фургоне, или за словами скрывалось что-то более ехидное, но, если Вайс и почувствовал себя оскорбленным, вида он, разумеется, не подал. Как всегда, проявил мастерство вежливой сдержанности и профессиональной учтивости. Он мог ораторствовать в суде, но не перед антисемитом-*Пифке*²⁵ вроде Иоганна Кернера.

– Очень великодушно с вашей стороны, Иоганн. Спасибо. Итак, расскажите, что, как вам кажется, вы знаете.

– Ева Ангерштейн, двадцать семь лет. Проститутка дня жалования. Служила стенографисткой в компании «Сименс-Хальске» в Сименсштадте и снимала комнату на дальнем конце Ку'дамма по адресу Хайльброннерштрассе, двадцать четыре. Мы нашли офисную одежду в большом матерчатом саквояже, который, как предполагаем, должен был принадлежать ей.

Проститутками дня жалования называли девушек, которые «каталась на санях» лишь в конце месяца, когда с деньгами становилось туго. Довольно распространенное явление в таком городе, как Берлин, где постоянно возникают непредвиденные расходы.

– Ее нашел смотритель, когда спускался в подвал проверить бойлер. Гнилой тип по имени Питч. Говорит, у них проблема с «полушелком», которые притаскивают сюда клиентов с Виттенбергплац. Полагаю, упираются в стену и быстренько делают свои дела. Место для этого вполне подходящее. И вот что, по нашему мнению, должно было произойти: спустились вместе, убийца ударил бедную сучку по шее и снял с нее скальп.

– Свидетели?

– Ни одного.

– Вы говорили с кем-нибудь из девушек, работающих на Виттенбергплац?

– Нет. В ее сумочке был чек из клуба «Какаду» на Йохимшталерштрассе, выданный прошлой ночью, так что мы полагаем, именно там она могла встретиться со своим убийцей. В клуб мы тоже не заглядывали.

²² Немецкий генерал пехоты, автор концепции «тотальной войны», в которой все средства хороши.

²³ Остроконечный кожаный шлем.

²⁴ Латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действий».

²⁵ *Пифке* – прозвище, которым жители Австрии наградили жителей бывшей Пруссии к северу от Майна. В самой Германии этим словом обозначают хвастуна или воображалу.

Один из людей Кернера передал ему клатч, который тот передал Вайсу, который передал его Геннату, который вытер руки, а затем передал его мне. Я открыл клатч, посветил внутрь фонариком и отметил, что эта вещь из «Хульбе» – магазина добротных кожаных изделий в Ку'дамме. Уже собирался покопаться в содержимом, когда заметил, что сумочка покрыта угольной пылью. Внутри было пусто, если не считать удостоверения личности.

– Матерчатый саквояж с одеждой мы нашли на лестнице, рядом с телом, а сумочку – в угольном ящике на цокольном этаже. Один из моих людей обнаружил ее совсем недавно и почти случайно.

– Интересно, почему она там оказалась. Есть какие-нибудь идеи?

– Мой человек сказал, что сумка была открыта. Будто кто-то в ней рылся и что-то искал, а потом выбросил.

– Кроме документов девушки, тут ничего, – сказал я. – Ни денег, ни кошелька, ни бумажника, ни ценностей.

– Не совсем нормальное поведение для нашего приятеля, – заметил Вайс. – Совсем не нормальное. У предыдущих жертв оставались кое-какие деньги.

– В этом ублюдке нет ничего нормального.

– Верно. Я имел в виду, что обычно он не грабит своих жертв.

Я понял, что мы с Вайсом подумали об одном и том же: человек Кернера украл деньги из сумочки Евы Ангерштейн и разделил их со своим комиссаром. Среди берлинских полицейских это не редкость. Ни один из нас ничего не сказал.

– Кто знает, что на уме у такого извращенного маньяка, как Виннету? – произнес Кернер. – По моему опыту, подобные типы готовы на любое преступление. На воровство, поджог, изнасилование – всего не перечислишь. Скажи вы мне, что он еще и государственную измену планировал, я бы не удивился. Непохоже, что убийцы шепетильны в вопросах нарушения закона. По моему скромному мнению, сэр.

– Сумка их «Хульбе», – сказал я Вайсу. – Хорошая сумка из хорошего магазина. Не ожидаешь, что девушка, которая может позволить себе такую вещь, станет обслуживать клиента у стенки во дворе. Скорее подумаешь, что она воспользовалась бы комнатой. Местом, где смогла бы помыться, – рассуждал я, продолжая копать в сумке.

– Вас послушать, она не шлюхой была, а чем-то получше, – заявил Кернер. – Слушайте, это лишь сумочка, верно? Не знаю, о чем она вам говорит. Возможно, парень торопился. Не нуждался во всех этих шикарных шелковых штучках и нижнем белье, которые предлагают некоторые девицы. Хотел слегка пообжиматься, а потом дать немного наличных на такси до дома.

– Полагаю, вы правы, Иоганн, – сказал Вайс.

– Любопытно, – произнес я. – В сумке есть потайной кармашек. Молния у него не сверху, а снизу, под складкой. Полагаю, это довольно легко не заметить. Тот, кто спешит, вполне может пропустить. А внутри что-то лежит.

Моя рука выскользнула из сумочки с парой золотых колец и хрустящей банкнотой в десять марок.

– Дайте-ка погляжу, – раздраженно сказал Кернер.

Я передал кольца, но не деньги:

– Думаю, вам лучше не трогать «герра Таера». Купюра выглядит совершенно новой. Словно ее только вчера напечатали. Возможно, мы даже сможем отследить ее, сэр.

– Хорошая работа, Гюнтер.

Агроном Альбрехт Таер был славен лишь тем, что его портрет оказался на зеленых банкнотах в десять марок. Лично я никогда о нем не слышал. Герои Веймарской республики всегда казались мне заурядными, что, вероятно, является отличительной чертой подлинной демокра-

тии. Вот при кайзере немецкие деньги выглядели куда более патриотичными и вдохновляющими.

Я сунул банкноту в бумажный пакет и отнес в фургон. Затем вернулся к лестнице и, оставив Вайса беседовать с Кернером, спустился туда, где Эрнст Геннат, полагаясь на свой многолетний опыт в отделе убийств, осматривал труп. Луч фонаря рыскал по земле вокруг тела, точно нос муравьеда. Девушка с залитой кровью головой выглядела так, словно упала с лестницы и проломила себе череп. На ней была хорошего качества одежда и шелковые чулки. Слетевшая шляпка-клош серого цвета из «Манхаймера» на Обервальштрассе напоминала стальной шлем, который не сработал.

– Окочение уже наступило, – сказал Геннат. – Полагаю, она мертва примерно двадцать два или двадцать три часа. Все равно что убить детеныша тюленя.

– Как это? – спросил я.

– Она спускается впереди, он бьет ее молотком, одним мощным ударом ломает шею и еще до того, как девушка падает на землю, достает свой нож, готовый снять с нее шкурку. От начала до конца проходит секунд шестьдесят.

– Господи, как быстро.

– Все потому, что он не получает никакого удовольствия. Это совершенно очевидно. Иначе осталось бы больше доказательств остервенения. Порой, когда убийца испытывает кураж от процесса, открываются все шлюзы, и он наносит множество ножевых ранений. Но у этой девушки даже юбка не задрана и, насколько могу судить, на теле ни следа. Так что дело не в сексе, Гюнтер. И даже не в убийстве. Все дело в трофее. В волосах. В ее скальпе. – Геннат сделал паузу. – Ты что-то нашел в сумочке?

Я рассказал ему о банкноте.

– Десятка. Столько он дал бы, чтобы она с ним куда-нибудь пошла, – заметил он. – Сюда, вниз. Как раз достаточно, чтобы заглушить любые опасения, которые у нее могли возникнуть. И более чем достаточно, чтобы он разбушевался.

– Вот и я так подумал. Только, возможно, он беспокоился из-за этой банкноты. И вернулся посмотреть, сможет ли забрать. Поэтому и обыскал сумочку. – Я понизил голос: – А я-то думал, что это сделал один из людей Кернера.

– Одно другому не мешает. Парни Кернера вполне способны что-нибудь стащить. У полицейских с Софи-Шарлоттплац всегда была репутация неофициальных сборщиков налогов, если ты меня понимаешь. Заметь, они проявили осторожность и оставили документы, чтобы не пришлось выяснять личность девушки. Послушай, у тебя хорошая теория, Гюнтер. Насчет банкноты. Теперь посмотрим, сможешь ли ты ее доказать. Возможно, тебе удастся найти что-нибудь еще из сумочки. Помаду или пудреницу. Кошелек или связку ключей. А когда закончишь с этим, отправляйся в «Какаду» и выясни, помнит ли кто-нибудь нашу жертву. И не забудь о других девушках с Виттенбергплац. Может, они видели убитую с кем-нибудь. Надеюсь, у этого кого-нибудь на спине мелом было написано «убийца».

– Так точно, сэр.

Я начал подниматься по ступенькам, освещая дорогу светом фонарика. Под ногами сверкнуло что-то белое. Я наклонился, чтобы рассмотреть поближе. Это оказался сигарный мундштук из слоновой кости.

– Сомневаюсь, что это могло выпасть из ее сумочки, верно?

Геннат нагнулся к мундштуку и подцепил его кончиком своей ручки. Затем громко выругался.

– Понимаешь, что это значит? – спросил он.

– Убийца курит сигары?

– Это значит, на всех трех местах убийств мы находили важную улику. Запонку. Фунтовую банкноту. А теперь это.

– Думаете, убийца играет с нами?

– Начинаю так думать. Одному Богу известно, сколько времени пришлось потратить Рай-хенбаху на идею о том, что убийца мог быть масоном.

– Но эти улики могут оказаться и настоящими. Убийца на самом деле мог курить сигары, носить масонские запонки и иметь полные карманы валюты.

– Конечно, почему бы нет? Если это поможет тебе поверить, что маленькая мышка принесет блестящую монетку, стоит только оставить на прикроватной тумбочке выпавший зуб, тогда – вперед. Но я думаю, Виннету держит нас за дураков. По моему опыту, улики похожи на вино: им нужно дать немного времени, чтобы созрели. Это в романах улики выглядят как улики. Но я чую крысу, поскольку в таких делах мои ноздри чувствительнее твоих. Возникает вопрос: в чем смысл? Зачем нас дразнить? Все это выглядит очень продуманным.

– Он хочет отнять у нас время. Запутывает следы, будто лис. Ему это, разумеется, на пользу.

– Похоже на то. На мой взгляд, настоящей уликой выглядит та банкнота в десять марок. А теперь ступай и подтверди это.

Я ходил с фонариком по двору, уставившись в землю, точно цапля. Время от времени поглядывал на окна вокруг: в некоторых из них маячили любопытные зрители. Ничто так не помогает берлинцам выбраться из своих нор, как убийство. Мне что-то кричали, но я не мог расслышать, а даже если бы смог, не ответил бы.

Рядом с лестницей росло одинокое дерево, выдавшее лучшие времена. У самых его корней было дупло, я засунул в него руку по локоть и быстро отыскал кожаный бумажник, который подходил к сумочке мертвой девушки. Денег внутри не оказалось, но имелся автобусный билет и фотография Евы Ангерштейн. На снимке она стояла на Потсдамской площади перед знаменитыми часами-светофором. За спиной девушки виднелся не менее знаменитый Дом Отечества на Кетенерштрассе, который выглядел именно тем местом, где «полушелковая» вроде Евы занималась бы своим ремеслом. На фото девушка была в темно-синей шляпке-клош и свободном голубом платье, которое приподняла рукой ровно настолько, чтобы показалась красная подвязка: пикантность смеха ради.

Впервые я рассмотрел лицо Евы. Она была хорошенькой: губы сердечком, темные волосы, милая улыбка. «Чья-то дочь, – подумал я. – Возможно, чья-то сестра, а теперь чья-то жертва».

Я еще раз пошарил в дупле и нашел губную помаду. Положил ее в бумажный пакет, а фотографию – в карман. Затем отнес улики в фургон, сказал Бернхарду Вайсу, куда направляюсь и что, возможно, успею вернуться до их отъезда, а если нет, поймаю их утром. Затем отправился в «Какаду», который располагался в пяти минутах ходьбы от места преступления. Я надеялся, что там кто-нибудь вспомнит Еву Ангерштейн.

Но никто ее не вспомнил.

Над каждым столиком висела клетка с какаду, который должен был пронзительно кричать, стоило постучать ножом по бокалу, требуя счет. И, судя по тому, сколько помощи мне оказали в заведении, лучше было бы сразу обратиться со своими расспросами к птицам. Я уже собирался уйти, когда мне наконец повезло – гардеробщица узнала на фотографии Еву. И даже упомянула другую девушку, с которой та провела часть предыдущего вечера. Девушку звали Дейзи, она была американкой. Гардеробщица предположила, что найти ее можно в маленьком салоне, о существовании которого я забыл.

В салоне было полно уютных уголков с небольшими каминами, диванчиками и кушетками, на которых пары узнавали друг друга поближе. А некоторые даже слишком близко. К счастью для меня, Дейзи среди них не оказалось. Ее было легко отличить от других женщин в «Какаду»: американки одевались лучше немок.

Дейзи сидела в одиночестве, пила шампанское и, заметив меня краем глаза, нетерпеливо взглянула на часы, когда я подошел. Привлекательная, стройная, с небольшой грудью. Лет двадцати, наверное. Вполне уверенная в себе – такими бывают девушки, когда у них полно денег. Это подтверждали и ее наручные часы, сплошь покрытые нефритом и бриллиантами. А вот время ее, похоже, совершенно не волновало.

– Дейзи?

– Я кое-кого жду, Фриц, – сказала она. – И он будет здесь с минуты на минуту, так что не трудись подсаживаться.

– Это не проблема. По крайней мере для меня. И мое имя не Фриц. – Я сел и показал ей свой новенький жетон: – Полиция. Возможно, у вас неприятности, а может, и нет. Это нам нужно выяснить.

– Что вам нужно?

– Кое-какая информация. Прежде всего ваше полное имя.

– Торренс. Дейзи Торренс. В чем дело?

– Вы, кажется, нервничаете, Дейзи.

– Как уже сказала, я кое-кого жду.

– Тогда я сделаю все быстро. – Из моего кармана появилась фотография Евы: – Вы видели эту девушку раньше?

– Нет. – С таким же вниманием Дейзи могла взглянуть на чей-нибудь трамвайный билет.

– Думаю, вам стоит посмотреть на это еще раз. Потому что у меня есть свидетель, который утверждает, что вы разговаривали с ней прошлым вечером. Не годится молодой американке вводить в заблуждение немецкого полисмена. Если мне придется арестовать вас по подозрению в сокрытии улик, это плохо отразится на международных отношениях.

– Ладно, я говорила с ней. И что с того?

– О чем?

– Послушайте, я правда не помню. Мы просто поговорили несколько минут. Ни о чем таком, на самом деле. Девчачьи разговоры. О мужчинах. Об этом месте. О том, что в соседнем зале какаду гадят на столы. Не знаю.

– Если предпочитаете, мы всегда можем продолжить на Александерплац. Но, боюсь, я не могу обещать, что там никто на стол не нагадит.

– Что такого-то? Я со всеми здесь разговариваю. Все так делают. Законом не запрещено.

– Дело в том, что Еву Ангерштейн убили, после того как она ушла отсюда прошлым вечером. Это закон запрещает. Насколько я знаю, вы были последней, кто видел ее живой.

– А, понятно. Это ужасно. Мне очень жаль. – В ее голосе не было ни капли сожаления. Дейзи на мгновение задумалась, прикусила пухлую губку, затем посмотрела на меня в упор: – Послушайте, если я расскажу то, что знаю, а это на самом деле не так уж много, вы оставите меня в покое и уйдете? Моему другу не понравится, если он увидит, как я разговариваю с полицией.

– Конечно. Почему нет? Но мне нужно увидеть ваши документы. Просто чтобы убедиться, что вы откровенны.

Она схватила сумочку и протянула мне удостоверение личности. У нее был хороший район, он легко запоминался: вилла G, шестая улица, дом номер девять в фешенебельном пригороде Эйхкампа. Живя там, можно позволить себе часы с нефритом и бриллиантами. Я вернул удостоверение:

– Итак. Рассказывайте.

– Ева покупала для меня кокаин, – сказала Дейзи Торренс. – На Виттенбергплац есть торговец. У вокзала. Продает сосиски и наркотики. Но стоит ему увидеть меня, цена удваивается. Он считает, раз я американка, то заплачу. К тому же мне не нравится запах сосисок. Одна из причин, почему я хожу сюда, – вегетарианская кухня. Лучшая в Берлине.

– У вас должен быть рецепт на покупку кокаина, – сказал я. – И обязательно от фармацевта.

– Да, знаю, но где его найти в такое время?

– Значит, Ева была вашей посредницей. Вы и раньше такое проделывали?

– Конечно. Много раз. Мы с ней познакомились здесь какое-то время назад. Я бы не сказала, что дружили. Но я платила ей десять процентов за беспокойство. Она для многих посетителей делала то же самое. Тут не любят, когда наркотики продают прямо в ресторане. В любом случае, на Еву всегда можно было положиться. До вчерашнего вечера. Я дала ей пятьдесят марок, чтобы она купила мне коки, а она так и не вернулась, – Дейзи снова взглянула на часы. Второй раз, стоит отметить. – Теперь понимаю, почему.

– Вы знали, что Ева была проституткой?

– Она никогда об этом не говорила, но я догадывалась. Здесь многие девушки таким занимаются.

– Но не вы.

– Нет. – Ее тон стал жестче, а подбородок слегка приподнялся, будто она собиралась послать меня к черту. И послала бы, не будь я полицейским. – На самом деле я актриса. А теперь, если не возражаете, я бы хотела, чтобы вы оставили меня в покое.

– Еще один вопрос – и оставлю. Вы не видели, прошлой ночью она разговаривала с кем-нибудь из мужчин? Хоть с кем-то.

– Честно? Нет. Свет здесь приглушенный, как вы могли заметить, а я была без очков, так что, даже если бы кого-то рядом с ней увидела, не узнала бы.

– Вы близоруки? – уточнил я.

– Да.

– Могу я взглянуть на ваши очки?

– Конечно.

Она открыла сумочку, достала футляр и протянула мне. Я вынул из него очки и, приподняв, осмотрел линзы.

– Удовлетворены?

Я вернул ей очки, поблагодарил и ушел, не сказав больше ни слова, но на выходе из салона спрятался за колонной в надежде увидеть друга, которого ждала Дейзи. Меня она не заметила. Я был в этом уверен, поскольку очки девушка не надела. И мне действительно удалось увидеть ее гостя, которого Дейзи теперь нежно целовала. Одетый в смокинг мужчина был, вероятно, вдвое старше ее и, безусловно, вдвое крупнее. Смуглый, мясистый, лысеющий, с бровями похожими на живые изгороди, и носом размером с автомобильный клаксон. Короче говоря, так в представлении всякого немецкого фанатика должен выглядеть богатый еврей. Более того, я его сразу узнал и почувствовал себя словно на «русских горках» в «Луна-парке».

Мужчину звали Альберт Гжесинский, раньше он был начальником берлинской полиции, а при новом правительстве стал министром внутренних дел.

Уставший как собака, я наконец добрался до Виттенбергплац. Ноги болели сильнее прежнего, а мозг казался половинкой лимона, зажатой в кулаке бармена. Есть нечто такое в ночных неоновых огнях, что заставляет человеческий дух поблукнуть. Я был слишком измотан, чтобы оставаться таким же вежливым, как в «Какаду», и уже сожалел, что не повел себя строже с Дейзи Торренс. Меня немного потрясло то, с каким безразличием эта девица восприняла известие об убийстве Евы Ангерштейн. В те дни поведение людей еще могло меня потрясти, хоть я и проработал два года в полиции нравов.

Виттенбергплац была известна двумя вещами: универмагом Германа Тица, прежде известным как «Яндорф», где я покупал большую часть своего гардероба, и станцией метро в стиле ар-нуво, неоклассический фасад и парадный вестибюль которой скорее напоминал церковь. Таков уж Берлин. Все должно выглядеть лучше, элегантнее и величественнее, чем есть

на самом деле. Точно так же, кинотеатр УФА на Ноллендорфплац больше походил на древний храм Дагона до того, как Самсон подпортил его архитектуру.

В вестибюле станции «Виттенбергплац», как обычно, толпились шлюхи, и прямо сквозь их строй приходилось пробираться сошедшим с поездов мужчинам. Там же был торговец сосисками, прижимавший к груди горячий поднос, да парочка попрошайек – калек-ветеранов, пытавшихся заработать несколько монет. Довольно характерная для столицы картина, вплоть до типичного толстого адвоката, который вошел в вестибюль, оглядел шлюх и нищих и громко хмыкнул.

– Позор, – обратился он к калекам. Не знаю, почему именно их адвокат выбрал мишенью для критики. – Вам должно быть стыдно за себя. Вы бесчестите эту форму. И эти медали.

Его слова прозвучали для меня сигналом подойти и бросить по горсти монет в кепку каждого из ветеранов. Этого оказалось достаточно, чтобы толстяк заторопился на поезд, который увезет его в более респектабельное – под стать его мнению место.

Я же купил пачку «Салем Алейкум» и, представ перед торговцем сосисками, попросил пакетик соли, что – без, собственно, сосисок – означало лишь одно, а когда я убедился, что нужный предмет у него в руке, показал свой жетон. Продажа кокаина без рецепта не считалась таким уж преступлением, но была веской причиной для задержания или даже для потери лицензии на уличную торговлю.

– Можешь убрать пакетик, – сказал я. – Он меня не интересует. Мне интереснее поговорить об одной из твоих постоянных клиенток. «Полушелковой». По имени Ева Ангерштейн.

– У них бывают имена? Вот удивил!

– Есть ее фото.

Я протянул снимок. Торговец взял его большим и указательным пальцами, нащупал в нагрудном кармане пиджака очки, поглядел на фотографию, откусил кусок сосиски, которую, очевидно, не собирался продавать этим вечером, и кивнул:

– Симпатичная.

– Согласен.

– Ладно, я ее знаю, – признался он. – Покупает у меня два или три раза в неделю. Слишком много, чтобы для себя. Думаю, относит в один из клубов и, наверное, перепродает в дамской комнате. Я принимаю это в расчет, называя ей цену.

– Когда ты видел ее в последний раз?

– Прошлой ночью. Примерно в это же время. А чего? Что она натворила?

– Ее убили.

– Жаль. Такого в наши дни много. Дела уже настолько плохи, что некоторые девки опасаются работать. И не подумаешь, но сейчас их на улицах вдвое меньше. Боятся, что Виннету снимет с них скальп. Ну а кто не боялся бы? С нее сняли скальп?

– Не могу ответить.

– Уже ответил. Так вот, Ева купила немного «соли» и пошла поговорить вон с теми девчонками. По крайней мере я думаю, что это были они. На таком расстоянии их трудно отличить друг от друга. А через несколько минут на станции появился один тип, и она в конце концов ушла вместе с ним. Через парадную дверь.

– Сможешь его описать?

– Ну и вопрос. С этими девицами столько мужчин разговаривает, сколько я сосисок не продаю. Все равно что просить меня описать вурст, который я уже продал.

– Попытайся.

– Хорошо одетый. Похоже, приличный. Сдвинутая набок шляпа. Вроде как щегольски. Просторный плащ. Я и внимания почти не обратил. – Он пожал плечами: – Вот, пожалуй, и все. Лучше расспроси «кузнечиков». Они ничего не упускают. Оценят тебя секунд за десять и скажут: сколько денег в карманах и хочешь ли ты какую-нибудь «щелку» или нет.

Он был прав.

Я обернулся к девушкам, но те успели меня рассмотреть, пришли к выводу, что я из полиции, и разбежались на все четыре стороны. Пришлось возвращаться к своему информатору.

– Понял, о чем я? – Он рассмеялся. – Раскусили тебя, как только ты мне фотографию всучил, сынок. На жизнь и так трудно заработать, а тут еще ты рыбу распугиваешь.

Я кивнул и устало отвернулся. Ноллендорфплац и моя постель были совсем рядом. Ужасно хотелось оказаться там. Одному.

– И еще кое-что, – сказал торговец. – Не думаю, что это он ее убил. Я о типе в шляпе.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что, по-моему, он не выглядел так, будто собирается кого-то убить.

– То есть?

– Ну, он насвистывал. Тот, кто собирается убить девушку и снять с нее скальп, не станет перед этим свистеть. Ведь не станет? Нет. Как по мне, свист – что-то беззаботное. С таким вряд ли выходят на тропу войны.

– Наверное, ты прав. Но просто из любопытства: не помнишь мелодию, которую он насвистывал?

– Нет. Тут, боюсь, без шансов. У меня слуха нет. Вот. Возьми сосиску. За счет заведения. Я не собираюсь их распродавать и скоро уйду. Только даром пропадут.

Доедая сосиску, я вернулся во двор на Вормсерштрассе и в темноте споткнулся о короткие костыли и тележку из разряда тех, на которых передвигались по городу безногие или частично парализованные. Она напомнила мне об одной средневековой картине с потешными немецкими нищими в картонных коронах и с лисьими хвостами на спинах²⁶. У нас в Германии всегда было жестокое чувство юмора.

Тележка была самодельной и примитивной, но у многих мужчин не оставалось иного выбора, кроме как пользоваться такими. Современные ортопедические кресла-коляски, которые производило Управление по делам инвалидов, стоили дорого, к тому же сразу после войны их частенько воровали. Возможно, именно поэтому мне показалось странным, что одну из подобных «каталок», как их обычно называли, просто бросили. Где тот, кто ей пользовался? А то, что чуть раньше я о нее уже спотыкался и почти сразу об этом забыл, многое говорило о моем собственном отношении к немецким инвалидам. Даже через десять лет после заключения мира берлинские ветераны-калеки оставались настолько вездесущими, что никто – включая меня – не задумывался о них. Они словно бездомные кошки или собаки – всегда рядом. Несколько монет, отданных на станции, были первыми, с которыми я расстался более чем за год.

Я поспешил вглубь двора, рассчитывая на бурные похвалы за мои недавние находки.

Комиссар Кернер уже ушел домой, оставив нескольких полицейских с Софи-Шарлоттплац помогать на месте преступления. Люди продолжали высовываться из верхних окон, чтобы понаблюдать за происходящим. Или это, или слушать радио. Ну, может, еще спать лечь. Я знал, какой вариант понравился бы мне больше других. Моя кровать казалась до того соблазнительной, что даже бутылка доброго рома и чистая пижама не сделали бы ее привлекательнее.

Ганс Гросс закончил фотографировать. Фрау Кюнстлер, накинув чехол на пишущую машинку, закуривала очередную сигарету. Вайс поглядывал на карманные часы. За ним приехал личный автомобиль с шофером, чтобы отвезти домой, и Вайс, похоже, собирался уехать. По крайней мере так было до тех пор, пока я не отвел в сторону его и Генната и не рассказал о том, что удалось выяснить на Виттенбергплац, а затем и более интригующие новости из «Какаду».

²⁶ Имеются в виду «Калеки» Питера Брейгеля Старшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.